

Мост в чужую мечту

Автор:

Дмитрий Емец

Мост в чужую мечту

Дмитрий Емец

ШНыр #3

Когда-то давно самые первые ныряльщики, люди, умевшие проникать в другой мир - «двушку», построили подземное хранилище. Туда заточали элей – опасных существ, мечтающих поработить наш мир. Шли века, постепенно о тайнике все забыли. Все, кроме самих элей, ставших его единственными хозяевами. Раз в пять лет ворота хранилища отпирает магический ключ, похожий на маленькую серебристую змейку. Правда владелец артефакта при этом всегда погибает...

Найдя необычный браслет, Яра сначала не придала этому особого значения: просто взяла, надела и забыла. Пока однажды девушка не поняла, что научилась читать мысли людей и управлять их поступками. Отказаться от нового дара оказалось не просто. А в обмен за него цепочка в виде змейки потребовала у девушки ее жизнь.

Дмитрий Александрович Емец

Мост в чужую мечту

Дорожные знаки разведчика

Всегда помните, что и без нас много желающих обидеть и оскорбить, причинить зло, а нам надо научиться для начала хотя бы жалеть всех, стараться ежедневно хоть немного отбавлять от огромной горы человеческого страдания и прибавлять к малому холмику человеческой радости.

Арх. Иоанн Крестьянкин

Я часто задавал себе вопрос: а что же такое, собственно, есть «Я», и понимал, что это единственный лучик... даже не лучик – мотылек света, залетевший в темную и забитую всевозможной дрянью камеру моего сознания. Мотылек, который мог впорхнуть только извне, поскольку здесь внутри у него нет никакого логического обоснования. Он тут чужой. Но не улетать он должен, не сбегать, а навести порядок, что для мотылька безумный труд, поскольку ему приходится ворочать лапками неподъемные глыбы.

Из дневника невернувшегося шныра

МАТЕРИАЛЫ ПО ПРОЕКТУ С КОДОВЫМ НАЗВАНИЕМ: «Операция «Опора»

Секретно

Доступ: Гай, Белдо, Тилль, Долбушин, их заместители, руководители оперативных подразделений.

Уважаемые господа!

Как Вам известно, помимо значительного числа зарядных тайников, Москва охраняется четырьмя шныровскими базами – СЕВЕР, ВОСТОК, ЮГ и ЗАПАД. Расположенные в географически уникальных точках, базы мешают нам

контролировать город.

Захват даже одной такой базы позволит нарушить уникальность шныровской защиты, однако из-за мощи охранных закладок открытый штурм не представляется возможным. База может быть атакована не раньше, чем закладка окажется вынесенной за пределы ее территории кем-либо из шныров и попадет к нам в руки.

Недавно мы потеряли одного из наших лучших телепатов-слухачей Каролину Мухину (протокол вскрытия тела и последующего считывания памяти, подписанный фельд. А. Уточкиным, см. в прил. № 1). Перед вами – последний из осуществленных ею перехватов.

В каждом предлагаемом Вашему вниманию отрывке беседуют два голоса. Первый принадлежит, предположительно, руководителю ШНЫра. Личность второго говорящего в каждом случае разная. Однако есть основания предполагать, что все собеседники имеют отношение к шнырам недавнего набора.

Именно они, как не имеющие достаточного опыта, могут быть максимально полезны в захвате закладки.

Дальнейшая расшифровка звукового перехвата станет возможной при проведении повторного допроса трупа Каролины Мухиной. Однако уже сейчас, на основе анализа характеров шныров нового набора, мы можем определить объект для проведения операции «Опора».

Приложение № 1.

– Каким образом из круга сделать квадрат?

– Радиус круга, диаметр? Пространство какое имеется в виду? Одномерное? Многомерное?

– Просто круг. И просто квадрат.

– Э-э... Тогда не знаю!

- Хорошо, спасибо. Иди! (Визг.) Нельзя ли смотреть под ноги? Ты наступил на Октавия!

- Простите!

- Я буду прощать, когда ты на меня наступишь! А сейчас у императора прощения проси!

- Каким образом из круга сделать квадрат?

- Ну не знаю... взять круг и шарахнуть об пол разика четыре. А?

- Я правильно тебя понимаю: ты предлагаешь силовое решение проблемы?

- Силовое?.. А, ну да!..

- Каким образом из круга сделать квадрат?.. (Долгая пауза.) Рина, ау! Я, между прочим, с тобой разговариваю!

- Простите, я задумалась!.. Значит, мы берем круг и... А что нам надо? Квадрат?

- Хочешь, чтобы я повторила вопрос в третий раз?

- Извините! Я сейчас что-нибудь придумаю!.. А нельзя просто попросить его?

- Кого попросить? Круг?

- Ну да. Круг! Он же добрый, мягкий, он поймет!

- А квадрат грубый. Он бы не понял?

- Вы ловите мои мысли на лету!

- Каким образом из круга сделать квадрат?
- Из какого круга? Взглянуть можно?
- Минуту... У меня пропал лист с заданиями!
- В прозрачной такой папке-файле?
- Да. Ты ее взял???
- Ча?! Мамой клянусь, в глаза не видел!
- Но ты же сказал: в прозрачной папке?
- Кто сказал? Я? Это вы сказали!
- Молодой человек! Каким образом из круга сделать квадрат?..
- Я парализован! У вас такие красивые глаза!
- Приятно слышать. Более того: хочется верить!
- Так верьте! Что вам мешает?
- Мне мешает, что двенадцать с половиной минут назад ты то же самое сказал девушке, которая показала тебе мой кабинет. А до нее еще двум. Слово в слово. Надо проявлять больше воображения.
- Вот засада! А вы откуда знаете?.. Ой, простите! Так что, вы говорите, нужно сделать с прямоугольником?

С уважением,

Феликс (Дидрих) Кречковский,

начальник отдела стратегического планирования

Внизу черной ручкой резолюция Гая:

К операции «Опора» приступить немедленно.

Глава 1

ЗМЕЙКА

Рина остановилась.

- У меня прекрасный план! Давай ты будешь меня всегда любить!

- А ты? - спросил Сашка с надеждой.

- Э, нет! Это уже твой план! Давай мы вместе будем любить меня!

Рина. Из хроники мелкого воображульства

Ветер налетал порывами. Вдоль длинных домов и по проспектам невозможно было идти - сбивало с ног, хлестало по лицу. Эля, бывшая подруга дочери Долбушина Ани - та самая, которую Долбушин когда-то грубо сгреб за шею зонтом и отбросил за загородку, - пряталась от ветра и хитро лавировала, передвигаясь двориками. Сделав очередной поворот и вынырнув у мусорных баков, она внезапно увидела толпу. Не особенно большую, человек в тридцать, но обеспокоенную. Ощущалось, что стряслось нечто серьезное. Было это напротив длинного и массивного сталинского дома недалеко от метро «Сокол». Эля немного поколебалась и подошла.

Люди полукругом сгрудились под окнами первого подъезда, не заходя на заваленный снегом газон. Эля осторожно пробилась в первые ряды и остановилась рядом с бойким молодым человеком, который все время вертелся и подпрыгивал. Из подъезда выскочил мужчина в тренировочных брюках и накинутой на плечи дубленке.

– Милицию вызвали?

– Да уж как уж где уж! Вас, конечно, ждали! – колкостью ответила старушонка в лисьей шапке.

Эля с жадным испугом вглядывалась в снег. Она чувствовала, что разгадка рядом, на газоне, но по-прежнему не замечала ничего особенного. Разве что странной формы палку, обмотанную синей тряпкой. Эле потребовалась почти минута, чтобы понять: синяя палка – торчащая из сугроба нога.

Подъехала «Скорая». На газон пошел врач – усталый, средних лет, с черными усами и седой щетиной на подбородке. Из-под полушубка выглядывал короткий голубоватый халат. Зябко ежась от снега, который лез ему в брючины, врач неохотно дошел до лежащего человека. Наклонился, посмотрел внимательно, но трогать не стал.

– Вы его отойте! Может, укол поможет? – засуетился бойкий молодой человек.

– Поучи, поучи... – кисло ответил врач. – Откуда он сиганул?

– Похоже, с четвертого, – молодой человек ткнул пальцем вверх.

Эля задрала голову. Рама на четвертом этаже была распахнута. Пузырилась от ветра плотная фиолетовая штора.

– Самоубийца небось. Ласточкой специально прыгал. И трезвый, кажется, – буркнул врач.

После «Скорой» приехали два молодых милиционера. Эти тоже покрутились, посоветались, стали кому-то звонить, с кем-то спорить. Тогда один отправился в подъезд, а другой вместе с санитаром и помощниками из толпы выволок из

снега человека, голова которого от сильного удара смотрела за спину.

На мужчине был бордовый халат с широким поясом. На шее – тесная серебряная цепочка. Раздутое, перекошенное лицо. Правый глаз вмят. Левый, широко распахнутый, с ненавистью смотрит на толпу. Но страшнее всего ухмыляющийся, чем-то очень довольный рот.

Эля вскрикнула, но не от ужаса, как остальные, а потому что узнала. Однажды они встречались на «Гоморре». Маг-одиночка Антон Лей – некогда правая рука Белдо, а ныне отколовшийся ведьмарь, с которым лишний раз не связывался сам Гай.

Подъехала третья машина – закрытая бортовая «Газель». Тело погрузили на складные брезентовые носилки. Санитар, придерживавший носилки сзади, высоко задирает колени, стараясь наступать в чужие следы. Толпа расступилась. Эля замешкалась. Милиционер прикрикнул на нее. Отодвигаясь, Эля увидела, как тесная серебряная цепочка, отстегнувшись с шеи мертвеца, соскользнула в грязноватый снег рядом с ее ногами. По снегу живой змейкой цепочка скользнула к левому ботинку Эли и коснулась его. Ступню обожгло несильной, сразу прошедшей болью, точно ее кольнули краем ледяной сосульки. От неожиданности Эля взвизгнула и высоко подпрыгнула.

Бойкий молодой человек, бросив свой край носилок, уставился на ее ботинки.

– И чего орать? Там же ничего нету! – сказал он удивленно.

Эля наклонилась и поняла, что он прав. И правда ничего. Снег и асфальт. Цепочка-змейка таинственно исчезла.

* * *

Тому, кто никогда не получал псиоса, не объяснишь, что это такое. Это радость больше радости. Наслаждение превышает любых наслаждений. После псиоса неинтересно есть мороженое, потому что псиос вкуснее. Глупо обнимать любимого человека в парке, потому что псиос нежнее. Неинтересно слушать шум моря, и лежать на солнце, и читать книги, и слушать музыку. За всяким другим счастьем нужно куда-то идти, совершать какие-то действия и как-то его

заслуживать, псиос же дает любое счастье сразу – только пожелай.

Правда, чтобы получить псиос, надо выполнять самые разные поручения, иногда сомнительные, но ведь шоколад тоже не дают в магазине даром. К тому же псиос абсолютно безвреден. Если употреблять его правильно, невозможно умереть. Многие, правда, умерли, причем на глазах у Эли, но только те, кто употреблял его неправильно. Эля глубоко в этом убеждена.

Эле шестнадцать. Ну, может быть, «половина семнадцатого», как она иногда говорила. От псиоса она зависела полтора года, но ей казалось, что целую вечность.

Началось все просто. К Эле на улице стал приставать какой-то псих. Эля не знала, куда от него деться. Прямо хоть кричи. И тут рядом, точно выпорхнув из мечты, остановился белый микроавтобус, разрисованный райскими цветами. За рулем сидел чернобородый мужчина с золотой серьгой в ухе, а в салоне обнаружили ласковый старичок и две смешливые дамочки. Они втянули Элю в автобус и захлопнули дверь перед носом у ненормального, который все никак не мог уняться. Бежал за ними и кричал что-то. Автобус поколесил по району и подвез Элю до самого дома.

Эле понравилось, что и старичок, и обе женщины веселые, ничем ее не грузят и безобидные. К тому же все трое буквально затапливали любовью. Никогда в жизни Эля не ощущала себя такой нужной. Каждая ее шутка вызывала смех. Каждая жалоба на жизнь – искренний ужас и сочувствие. Когда она случайно содрала себе кожу на пальце камнем от кольца, они втроем чуть не передрались за право капнуть на ссадину йоду. Хотя ранка была – лизнул и забыл. Через пять минут Эле казалось: она знает старичка с минуты рождения.

Так состоялось ее знакомство с Белдо. Они обменялись телефонами, а через пару дней Дионисий Тигранович позвонил, приглашая Элю на выставку. Одна из дамочек, Влада, рисовала картины, которые видела во сне. Эля поехала. На выставке оказалась целая толпа гостей. В картинах Эля ничего не поняла, хотя они, по словам Белдо, были «вещие», зато возле стены стоял невысокий гибкий мужчина с черными вьющимися волосами до плеч и мятым, как приспущенный шар, лицом. Он был мрачным и Эле понравился меньше щебечущего старичка.

Эля решила, это скульптор, потому что он подвел ее и еще двух молодых людей и одну девушку к оплавленному серебряному кубу. Вслед за остальными Эля коснулась его лбом, после чего черноволосый поощрительно потрепал ее по щеке и коснулся волос. Так Эля впервые узнала, что такое псиос. Потом она сама искала этих встреч и ради них готова была на что угодно. Правда, встречи выдавались редко. Когда раз в две недели, а когда и раз в месяц. Довольно быстро Эля научилась различать псиос, получаемый из разных источников. Псиос, который давал Гай, был самым сильным, ярким, первичным. Псиос же, который она получала от Дионисия Тиграновича, бывал сильно разбодяжен. То ли хитрый старичок мудрил с ним, то ли дело было в том, что Белдо получал его опосредованно – от Гая. И всегда он внимательно посматривал на грудь Эли и на ее живот и спрашивал, как она себя чувствует, будто Эля ждала ребенка.

В один из дней на «Гоморре» Эля случайно встретила и того психа, от которого ее спас Белдо. Психу она была глубоко безразлична. Он ее даже не узнал. Его, как и саму Элю, интересовала исключительно доза псиоса. Встречала она и тех троих, которых Гай подвел к серебряному кубу с нею вместе. Один парень занял важную должность в представительстве крупной компании и, толстенький, важный как пингвин, разъезжал на алой спортивной машине. Девушку окружала толпа поклонников. Элю это забавляло: девушка, на ее взгляд, была «серенькая». Второй парень куда-то исчез. Эля случайно узнала, что он умер.

– Что-то с сердцем! Ах, молодость, молодость! Не берегут себя! – ответил на ее вопрос Белдо.

Он сочувственно цокнул языком, потрепал Элю по голове, и через пять минут она ни о чем не помнила, наполненная жгучим псиосным счастьем.

* * *

История с выбросившимся из окна Антоном Леом произвела на Элю жуткое впечатление. Она ощутила себя выбитой из колеи и поехала домой. От матери она ушла давно по совету Белдо, попросту исчезнув без всяких объяснений, и снимала комнату у женщины средних лет. За комнату не платила и за еду тоже. Это делал Дионисий Тигранович, хотя Эле порой казалось, что тут какой-то другой обмен. Хозяйка квартиры делала звездам эстрады маникюр и была гадалкой, но без дара. Пророчествами ее снабжала Млада.

Эля жила на пятом этаже в доме рядом с «Речным вокзалом». Дом был панельный, так называемая «ленинградка»[1 - «Л е н и н г р а д к а» - дом типового проекта, похожий на «хрущовку», но с другим устройством коридора.], с отличной слышимостью. Когда кашляли на втором этаже, на четвертом нервно стучали по батарее, желая кашляющему скорейшего выздоровления.

Эля без всякого желания съела холодную картофелину в мундире; симулируя чистку зубов, сунула в рот сухую зубную щетку и рухнула в кровать. Ей срочно требовалась перезагрузка, которую мог дать только сон.

Легла она рано, часов в пять вечера, а проснулась среди ночи от того, что ногам холодно. Некоторое время боролась, поджимала ноги, натягивала одеяло. Ощущение зябкости не уходило. Не вставая, нашарила на стене выключатель. Привычно зажмурилась, зная, что острый электрический свет надавит на глаза. Почувствовала, как за веками стало розово. Ага, значит, лампочка горит! Теперь осторожненько... еще осторожнее размыкаем веки, выдвигаем себя из ночи.

За окном даже не рассвет. В пятиэтажке напротив горит вертикальная линия лестницы над козырьком подъезда, и ни единого освещенного окна. Хоть бы одно - не было бы так одиноко.

Ногам было неудобно. Эля провела по ступням ладонью и вскрикнула, ощутив на пальцах нечто чужеродное. Засохшая грязь. Эля трусливо ковырнула ее. Снаружи грязь подсохла, но внутри, под коркой, оставалась жидкой. Земля была насыщенного черного цвета.

В ванную Эля шла босиком. Ступни ставила боком, чтобы не оставлять на линолеуме следов. Залезла в ванну, пустила воду, направила душ вниз. Теперь Эля видела, что грязь не только на ступнях. И на коленях, и на локте, и на пижаме - всюду пятна.

«Бред! - подумала Эля, не давая себе до конца удивиться, потому что тогда сознание переключилось бы окончательно. - Я что, на улицу выходила босиком? Где я ухитрилась грязь найти? Промерзло все на полпальца. Дубняк жуткий».

Она уже вылезла из ванны, когда заметила у стока нечто блестящее. Эля наклонилась и схватила - это была исчезнувшая цепочка Антона Лея, которая ползла по снегу. Эля пугливо толкнула ее пальцем. Змейка не шевелилась.

Массивная, скорее всего серебряная. Можно носить на шее, а можно как браслет. Никаких особых украшений, только с одного края в серебро вплавлены два маленьких красных камня.

В дверь ванной заскреблись, точно пришла шkodливая кошка.

– Элечка! Я волнуюсь! С вами все хорошо? – сказали в самую щель.

Эля поспешно зажала кулак, пряча цепочку. Щелкнула шпингалетом. У двери стояла хозяйка квартиры в наспех наброшенном халате. Ее глазки были выпуклыми, как у мыши.

– Все отлично, Эмилия Максимовна!

– А почему вы закрылись?

– А что? Нельзя душ принять?

– Да, Элечка! Но среди ночи?! – в ужасе от такой самодеятельности хозяйка запахла на груди халат. Она все на свете ухитрялась делать трагически. Даже суп глотала так, словно травилась навеки.

– А среди чего можно? Посреди города? – Эля проскочила мимо нее в комнату. А то увидит грязь на пижаме и тогда вообще не отстанет.

Она стояла у своей двери, прильнув к ней ухом, и слушала, как Эмилия Максимовна шуршит в коридоре. Ходит, недовольно разговаривает сама с собой. Потом заглядывает в ванную, дергает штору, проверяет, не спрятался ли кто. Нерешительно приближается к двери, касается ручки, стоит и дышит. Эля ждала, пока она постучит, но хозяйка не стучала.

– Да уйди ты! Сгинь, пожалуйста! – одними губами, беззвучно, попросила Эля.

Ей было так скверно, что душу выворачивало наизнанку. А потом вдруг обожгло ладонь. Жар распространился по пальцам, скользнул к запястью и перешел в легкое покалывание. Внутри ладони, между костями, что-то зашевелилось. Это было отвратительно. Эля едва не завизжала.

Гадалка кашлянула, неуверенно завозила и, наконец решившись, ушла в свою комнату. Сгинула, исполнив желание Эли.

Эля разжала пальцы. С ужасом уставилась на ладонь. У нее на глазах цепочка, ставшая серебристой змейкой, проползла сквозь кисть руки и уютно устроилась на запястье. Эля трусливо тронула ее пальцем: обычный браслет. Не осталось ни крови, ни раны, ни других следов.

Эля легла в кровать. Приняла позу эмбриона. Закрыла глаза. Ей хотелось выключиться и дотянуть до момента, когда снова получит псиос. Она пообещала себе, что теперь будет тратить его очень бережно. Никаких наслаждений, после которых ощущаешь себя прогоревшей головешкой. Хватит скатываться по наклонной! Надо устроить жизнь, найти другую квартиру или пусть комнату, но нормальную, поступить в институт. Эля давно обещала себе, что все так и будет, но сразу после прикосновения к ее лбу сухого пальца Гая теряла над собой контроль и откладывала до следующего раза. А потом все опять повторялось.

Во второй раз она проснулась через час. Если это можно назвать «проснулась». Дикая боль сбросила ее с кровати. Обхватив колени, Эля сидела на полу, раскачивалась и хрипела. На уровне солнечного сплетения что-то медлительно ворочалось. Казалось, во внутренности забрался крот и, выбираясь наружу, копает ход. Дико больно. Эля не могла даже крикнуть и позвать на помощь.

Ей пришло в голову, что это снова та змейка, которая вползала ей в руку, но нет... Вот она, лежит на полу, рядом с опрокинутым стулом. Спокойно, как неживая.

Снова страшная волна боли. Кусая руки, Эля ползала по полу и больше ни о чем не думала. Наконец непонятное существо перестало ворочаться внутри. Боль временно отступила. Залитая холодным потом, Эля подползла к телефону, к которому тянулся шнур зарядника.

Кому звонить? «03»? Но едва ли «Скорая» поможет. Эля торопливо отыскивала в контактах номер Белдо, единственного, кто, как ей казалось, о ней заботится. Остальным она не нужна. Они даже имя ее не старались запомнить.

Старичок ответил сразу, хотя времени было пять утра. Голосок у него свежий, точно огуречным рассолом промытый. Никакой досады, удивления – он действительно рад ее слышать. Эля ощутила покой и умиротворение.

– Мое сердце с тобой, родная! Что стряслось?

– Мне дико больно... Внутри что-то шевелится... Что-то живое! – Эля взвизгнула, испугавшись того, что сказала. Порой истина полностью доходит, когда ее выскажешь.

– Все пройдет, родная! Доверься мне! Все пройдет!

– Ничего не пройдет!!! Я умираю! Это все змейка! Я не брала ее: она сама в меня вползла! – с ненавистью крикнула Эля.

Белдо что-то залепетал. Эля почувствовала его растерянность.

– Какая змейка?

– Я была на «Соколе», когда он выбросился из окна... Случайно... Я подошла, а там толпа и...

– Кто выбросился?

– Вы его знаете... Он был на выставке. Неприятный такой, грубил всем... И вам тоже.

– Антон Лей? – быстро спросил старичок.

– Да! Его браслет пополз по снегу и... – Эля взвизгнула, потому что змейка, поняв, что говорят о ней, шевельнулась на полу.

– Ты сейчас где? – в трубке что-то зашуршало. Эля поняла, что, разговаривая с ней, старичок мечется по комнате, одновременно пытаясь одеваться.

– На «Речном»! Вы же сами меня поселили!

– А-а, да-да, помню! У Эмы! – перебил Белдо. – Жди нас! Никуда не уходи! Мы едем! Я дышу на твои заплаканные глаза, родная!

– Мне больно! Там что-то живое!

– Все будет хорошо! Верь мне!

Эля нажала на отбой и доплелась до кровати. Скорее бы приехал. Боль свернулась калачиком, но легкое, прощупывающее шевеление в животе продолжалось.

И тут мобильник снова зазвонил. Она схватила его. Опять Белдо! О ней думали, заботились!

– Алло! – торопливо крикнула Эля.

Ей не ответили. После третьего по счету «алло!» она поняла, что старичок и не думал ее набирать. Просто телефон, не поставленный на блок, нажался в кармане халата. Она услышала, как Белдо крикнул кому-то:

– Буди Птаха! Живее! У нее проклевывается эль!

– Рано! Девчонка у нас недавно! Он не успел бы созреть! – зевнула Млада и тотчас взвизгнула. По звукам в трубке Эля догадалась, что старичок, не помня себя, хлестнул ее полотенцем или свитером.

– Ты что, оглохла? Шевелись, коровища! Уточкина зови, кого хочешь! Я сам ей брюхо потрошить не стану! Мне противно!.. Чего застыла, крокодилища? Мне что, тебя укусить? Плюнуть в тебя?

– Ай, не надо! Почему эль проклянулся так рано?

– Почему-почему? Вот любопытная лошадища! У нее змей Антона Лея! – в голосе старичка послышалась отдышка. Размахивая свитером, он утомился.

Кто-то ахнул. Эля предположила, что Влада. Только она способна на такие пронзительные звуки.

- Где она его взяла? Антон же умер!

- Умер! Как бы не так: умер! Убил себя! Не захотел продержаться несколько дней! Будет знать, как держать у себя ключ от эльбника и ни с кем не делиться! Последние месяцы Лей совсем совесть потерял! Возомнил себя сильнее Гая!

- Но почему ее эль?..

- Да потому! Змей растревожил эля, заставил его проклянуться раньше времени! Где мои носки? Я тебя спрашиваю! Носки где, говорю? Не смей трогать мои ноги! Я сам прекрасно могу одеться! - закричал он на Владу.

Видимо, Млада позволила себе улыбочку, потому что старичок завопил и на нее тоже:

- А ты что застыла столбом? Нечем заняться, только пломбы скалить? Звони Тиллю, ворона!

- Ночь же! Он спит, - всполошилась Млада.

- А мне безразлично! Меня будят - пусть разбудят и его! Пусть пришлет кого-нибудь за телом! Сколько ехать до «Речного»?

- Минут тридцать. Ну двадцать пять по пустым дорогам.

- Пусть присылает через час! Я не хочу, как в прошлый раз, возить в своей машине труп! Мне, между прочим, противно!

Голоса в трубке остались, но приглушенные, неразличимые. Дионисий Тигранович скинул халат, не вытащив телефона из кармана.

Эля сидела, распахнутыми глазами глядя перед собой. Лунная полоска отливала на металлической рамке репродукции Брейгеля. «Я не хочу, как в прошлый раз, возить в своей машине труп!» - звучал у нее в ушах капризный голосок Белдо.

Эля не помнила, как оделась. Хаотично хватала вещи и беспорядочно совала в чемодан. Старалась не шуметь, чтобы не разбудить хозяйку. Чемодан вышел таким тяжелым, что Эля едва его подняла. Все это время она беззвучно плакала.

Под ногой у нее что-то звякнуло. Цепочка-змейка. Лежит и вяло шевелится. Эля секунду подумала, наклонилась и подняла ее.

«Тебе нужно это? А вот не получишь!» – подумала она про Белдо.

Закончив собираться, Эля бесшумно выскользнула в коридор и вздрогнула от неожиданности. Хозяйка стояла прямо перед ней и в темноте делала что-то с ее дверью. Увидев Элю, она вскрикнула и отступила на шаг. Посмотрев на то место, которого касалась хозяйка, Эля увидела старый шпингалет. Когда-то покрашенный вместе с дверью, шпингалет залип и давно не работал. И вот теперь хозяйка дергала его в темноте.

– Что вы делаете, Эмилия Максимовна?

– Ничего... Куда вы ночью, Элечка?.. Я никуда вас не пущу! Оставайтесь!..

Хозяйка говорила вежливо, но Эля видела, как ее губы вытягиваются в трубочку. Не выпустит! Не касаясь друг друга, они кругами ходили по коридору. Эля пыталась прорваться к входной двери, а хозяйка оттирала ее. Тяжеленный чемодан Эля держала двумя руками у груди, отгораживаясь им. Откуда она знает? Может, Млада, спохватившись, перезвонила?

– Вернитесь к себе, Элечка! Вы никуда не пойдете! Утром, только утром!

Дождавшись, пока хозяйка окажется спиной у открытых дверей, Эля с силой толкнула ее чемоданом. Гадалка провалилась в комнату. Развернув чемодан боком, Эля перекрыла узкий коридор, подперев дверь. Сделано это было вовремя. Дверь вздрагивала от ударов. Эля выскочила на лестницу, сбежала по ступенькам. Ее догоняли дикие крики.

Задыхаясь, она мчалась темными дворами. Обогнув дом, выскочила на улицу. Метров за триста скользили квадратные фары одной из первых маршруток. Выбежав на дорогу, Эля, как бешеная, замахала руками. Водитель, немолодой,

кислый мужик, как-то странно смотрел на нее, пока она лезла в пустую машину. Потом перевел взгляд на ее ноги.

– Отряхиваться будем? Домой тоже грязь несем?

– Едем, едем! – крикнула Эля.

Шоферу не понравилось, что его торопят. Он демонстративно убрал ладони с руля и откинулся на спинку.

– Командовать мамой будешь на кухне!.. За проезд!

Рука Эли потянулась к карману и зачерпнула пустоту. Деньги остались в куртке. Куртка – в квартире. И это в декабре. И как она не почувствовала холода?

Наблюдая, как она панически, по второму разу, обхлопывает карманы джинсов, водитель барабанил пальцами по спинке сиденья. Эля поняла, что церемониться с ней он не будет и бесплатно не повезет.

– Финансовые трудности? А кому сейчас легко?..

«Да что же это? Почему все так гадко? А вот не выйду! Пусть силой выволакивает!» – решила она и, готовая разрыдаться, упала на сиденье.

Эля ощутила, как змейка хищно шевельнулась в кармане и через кожу скользнула в ногу. Боли она не чувствовала – и вообще не испытывала ничего, кроме щекотного ощущения прохлады, которая распространялась по артерии.

– Сто рублей! – сама не зная зачем, Эля протянула руку.

Сердце колотилось. Она была уверена, что ее сейчас вышвырнут из маршрутки. Водитель сомкнул пальцы на пустом месте. Ворча, что выручки еще нет, выдал сдачу с несуществующей сотни. Потом тронулся. Они доехали до перекрестка, когда наперерез на красный светофор скользнул разрисованный микроавтобус Белдо.

Птах гнал как на пожар. Водитель маршрутки не успел ругнуться, а автобус был уже метрах в ста.

- Пьяный, что ли? По сторонам надо смотреть! Когда не нужны – их тут как сельдей! – буркнул водитель, явно имея в виду гаишников.

Эль, заточенный в животе у девушки, запоздало отозвался болью. Змейка, давно покинувшая руку и проникшая глубже, обвивалась вокруг него, тревожила и покусывала дряблую личинку, прогоняя ее. Один хищник не желал делиться добычей с другим.

Эля всего этого не знала: для нее сейчас важна была только страшная боль, центр которой находился в животе.

У метро Эля вывалилась из маршрутки и долго стояла в щели между двумя киосками. Ей было холодно и страшно. Справа на леске качались подмороженные бананы, а слева на сетчатой загородке висели елочные гирлянды и маски. Тепло одетые продавщицы, медлительно шевелясь в своих стеклянных клетках, раскладывали товар. Мимо скользили здоровые сытые люди, спешившие на работу. И только она, одна, никому не нужная, жалась между киосками, как больная собака.

Снова сильный приступ боли. Убедившись, что на нее никто не смотрит, Эля задрала свитер. На животе ниже солнечного сплетения находился фиолетовый кровоподтек размером с ладонь. Кожа вздувалась. Под ней кто-то шевелился. Немного погодя на ладонь к Эле выползла серебристая змейка. Эля закрыла глаза. Она ничему не удивлялась и не искала причин.

«Надо скорее в больницу... Сначала избавиться от этой дряни, а то подохну!» – Эля так и подумала – не «умру», а «подохну».

Одернув свитер, Эля обшарила взглядом небольшой базарчик у «Речного вокзала». Выскользнула из укрытия и быстро пошла, сильно кренясь вперед. На плече болталась оторвавшаяся от связки серебристая нитка елочного дождя. С Новым годом, солнце! С новым счастьем!

Глава 2

ТОЧКА «ЗАПАД»

Надо желать отдать все и себя тоже. До капли. Тогда и получишь все. Я это разумом понимаю, порой почти осязаю, но... Как меня отдашь, когда я мелкий, как чайная чашка, и даже этого жадничаю?

Из дневника невернувшегося шныра

Сашке в щеку попала горошина, по которой кто-то щелкнул ногтем. Сашка терпеливо вытер лицо.

– Больше так делать не надо! Мне не нравится! – предупредил он и продолжил спокойно есть. Еще одна горошина врезалась ему в лоб. Он поднял голову. Напротив беззвучно скалился Макар.

Сашка молча встал, подошел к Макару и сунул его лицом в тарелку с молочной кашей. Каша забурлила. Жабры у Макара отсутствовали.

Выждав немного, Сашка отпустил его. Топить Макара в каше не входило в его планы. Макар вскочил, замахал руками. Тарелка подлетела и разбилась.

– Ча такое? Ты что, озверел? Я чуть не захлебнулся! – заорал Макар.

– Я предупреждал.

– Кого ты предупреждал? Это не я! Это она! – Макар ткнул пальцем в Рину.

– Не ври! – поморщился Сашка, знавший, что Макар всегда врет.

Рина смущенно кашлянула.

– Хмык-хмык! Это и правда я! – робко призналась она.

- Ты?

- Тсс! - зашипел Даня, толкая Сашку на его стул. - Кавалерия!

От преподавательского стола к ним быстро шла директриса ШНыра. Самой ссоры она не видела - мешали кирпичные колонны.

- В чем дело, Макар? Твои вопли слышны даже в пегасне!

Надо отдать Макару должное, доносчиком он не был.

- Да все в норме! - сказал он, отряхиваясь. С волос во все стороны летела гречка. - Я каждое утро купаюсь в каше. От этого волосы, типа, лучше растут.

Кавалерия наклонилась, разглядывая осколки.

- Ты разбил тарелку!

- Ну и ча? Другую куплю!

- Прекрасно. И сколько, по-твоему, она стоит?

- Да дешевле грязи!

Кавалерия подняла брови.

- Проблема в том, что я не отслеживаю, почем нынче грязь. Два дежурства по кухне!

- Спасибо, что не выдал! - шепнул Сашка, когда Кавалерия вернулась за свой стол.

- А ча мне твое спасибо? Бойся меня! С меня одна подлянка! - мрачно предупредил Макар.

Сашка пообещал бояться. Пока Макар переругивался с Сашкой, Рина смотрела на их десятку и не в первый раз пыталась понять: почему именно они оказались в ШНыре той осенью. Зачем их призвали пчелы? Ведь, если задуматься, многие весьма далеки от идеала. Даже более – от того, что принято считать обычным психическим здоровьем в усредненной норме. Макар, при котором лучше не доставать ценных вещей. Даня в амплу скромного гения; Кирюша со своим вечно пританцовывающим лицом; ершистая честолюбивая Фреда; Алиса с тараканами в голове, обожающая рассуждать о суициде, но падающая в обморок даже при виде капельки крови; сомнамбулическая Лена; «звонькающая» Лара, у которой телефон разряжался за день. И Влад Ганич – уж вообще человек-загадка. Даже сегодня утром ухитрился так нагладить свои брюки, что муха могла бы отрезать лапку, просто переползая через складку.

После завтрака опять начались лекции. Занимались то все вместе, то по пятеркам. Потом в пегасню. Там вкалывали до потери пульса. Вычистить – оседлать – убрать денник – принять коня у старшего шныра – прогулять – расседлать – насухо вытереть – перебрать все крупные перья, тщательно следя, чтобы нигде не осталось льда или сосулек. Это было дико тяжело, зато давало незаменимый опыт. Даже ленивая Алиса могла уже тычком вразумить охамевшего Фикуса, когда он начинал дуть брюхо или пытался кусаться при попытке затянуть подпруги.

Нырками пока не пахло, хотя полеты мало-помалу начинались. Правда, скучные. Пегов давали самых спокойных. Два старших шныра взлетали вместе с новичком, буквально конвоируя его. Несколько кругов вокруг ШНыра без вылета за его пределы – и посадка.

Сашка издергался, не зная, к кому обратиться, чтобы ему разрешили нырки. Кавалерия молча играла бровями. Кузепыч пыхтел и многозначительно скреб висок толстым, как черепаховый панцирь, ногтем. Суповна моментально переключала энергию Сашки в полезное русло, вручая ему швабру и жалуясь на натоптанный пол.

Пользуясь моментом, Сашка сунулся к Максусу, когда тот, разложив на лавке шнепперы, учил их скоростной стрельбе. Правила были простые: стрелять в консервную банку с десяти шагов стальными шариками, перезаряжаться и снова стрелять. Времени на выполнение упражнения – минута. Больше шести дырок в банке – «отлично». Шесть – «хорошо». От шести до четырех – «удовлетворительно». Торопыга Макар ухитрился перезарядиться целых десять

раз. Правда, так спешил палить, что попал только дважды.

Макс встряхнул простреленную банку. Раздался звук детской погремушки.

- Не я р-решаю, к-кто ныряет! Я главный по пы... пальбе и мы... мордобою!

Сашка потянул на себя зарядный рычаг шнеппера.

- Спорим, мне разрешат нырки в ближайший год? - запальчиво спросил он.

Макс перестал трясти банку.

- Никаких сы... споров! - сказал он с испугом.

- Почему?

- Э-э... Всегда нужно, чтобы проигравший мог культурно отступить, не уронив лица. З-знаете... э-э... Родиона?

Все культурно промолчали, так что сложилось впечатление, что Родион никому не известен.

- Однажды мы п-поспорили, можно ли съесть д-дохлую кошку. Он сказал, что запросто, если ей не больше суток, потому что это тоже ми... мясо. А я сказал, что этого не надо де... де...

Сашка начал открывать рот, собираясь подсказать.

- ...потому что там ты-трупный яд! - обошел коварный слог Макс. - Он согласился, но я стал доспаривать, и он... н-назло мне ее сварил. А до этого д-держал в ледяном ручье в про... проточной воде... А надо было не до-до-до...

- Не доедать? - пошутил Сашка.

- Не д-доспаривать! - Макс с неожиданным раздражением вырвал у Сашки шнеппер. - А ну не целься в м-меня! Сколько раз говорить, ба-балда!

Во втором часу новички были в пегасне. Тут царил Ул. Царство Макса закончилось вместе с арбалетами.

– Кышни отседа, будь френдом! Не трогай лошадь за нос! – жизнерадостно орал кому-то Ул.

– Вообще-то это храп!

– А мне по барабаниусу! Всю жизнь называл это «нос», и ни один пег не возразил!.. И вообще, у тебя не куртка! У тебя поперденчик! Настоящая куртка должна быть во! – Ул гулко стукнул себя кулаком по груди. Его голос раскатывался где-то у входа.

Сашка чистил тощую, но вполне уже бодрую Азу, одновременно следя, чтобы добрая Рина не совала ей ни яблок, ни сухарей. После болезни у Азы прорезался волчий аппетит, но Суповна с Кавалерией не советовали ее перекармливать, опасаясь, что опухнут копыта. Аза этого не знала и постоянно попрошайничала.

– Нельзя! Потерпи! – Сашка оттолкнул морду Азы, потянувшуюся к его карману.

С видом оскорбленной принцессы Аза вытянула правое крыло – пока сложенное – вверх. Осторожно расправила, едва не коснувшись потолка, потом так же осторожно сложила и то же самое проделала с другим крылом. Точно в тесном проходе кто-то открыл и закрыл новый зонт.

Рина несла воду и ударилась коленкой. Сказала: «Ауч!» Даня посмотрел на нее серьезно, без укора. Осмысливал место слова «ауч!» в структуре русской семантики. Анализировал наполнение. Потом стал задумчиво смотреть на Лару.

Выковыривая крючком гравий из копыта Икара, Лара кокетливо жаловалась стоящему рядом Кирюше: «Прямо не знаю, кому позвонькать? Все по третьему разу обзвоньканы!» Потом внезапно вспомнила, что у Тони, у которой она год назад отдыхала на даче, сегодня день рождения. Лара немедленно позвонила Тоне:

– Чего так долго не снимала? Угадай, кто это! А чего ты вся такая?.. А, спишь!.. Я звоню поздравить тебя сама знаешь с чем и пожелать сама знаешь чего!..

Почему в марте?.. Ты что-то путаешь: у тебя в декабре! А, ну ладно, отдыхай!

Вдохновленный Ларой, Кирилл схватился за телефон и тоже стал «звонкать», показывая, какой он успешный. Девушек, по его представлению, у него было десятка два, но почти все не знали, что они его девушки. Не исключено, что если какая-нибудь девушка проехала бы с ним три станции в метро, а потом вышла, то Кирюша утверждал бы, что его бросили. Если же из вагона первым выскочил бы Кирюша, он бы счел, что стал инициатором разрыва.

Ворота лязгнули. Кирилл поспешно спрятал мобильник.

– Герр комендант пришел! – шепнул он.

По проходу крабьей походкой пробирался Кузепыч. Послышался близкий вопль. В соседнем деннике влюбленный толстячок Рузя выкручивал Насте руку, пытаясь у нее что-то отнять. Наста кусалась.

Кузепыч остановился. Запыхтел:

– Отставить! Что за игры? Вы что, взбесились?

– Запретите ей! Она сухарь под лошадь уронила, подняла и ест! – Рузя жалостливо разглядывал прокушенный палец.

– Сунулся? – щелкая зубами, хищно спросила Наста.

– Ну и пусть ест! Что ты ребенку мозги компостируешь, елки страшные? Я всю жизнь с пола ел и только здоровее становился, – хмыкнул Кузепыч, поворачивая голову к Кирюше. – Эй, новый набор! У вас практика в городе! Всем быть у автобуса через пятнадцать минут!

– Так точно, коменданте Кузепыч! – отрапортовал Кирюша.

Кузепыч вопросительно моргнул. Кирюша тарачился на него нахальными глазами вежливого хама. Попробуй придержи.

– Ул! – окликнул Кузепыч.

Из денника Эриха высунулась голова Ула. Утром одноглазый пег сослепу залетел в заросли и всадил в себя столько колючек, что поджимал уши и бил задом, не давая их вытаскивать. Новички и средние шныры не рисковали к нему соваться, и за дело пришлось взяться Улу.

- Ул! Тебе доброволец нужен? Блещет разговорчивостью! - Кузепыч кивнул на Кирюшу.

- Нам общительные нужны! - одобрил Ул. - Видишь кучу обледеневших опилок?

- Нет, - поспешно соврал Кирюша.

- Ну ты прямо Белдо: в будущее заглядываешь. Тогда будь хорошим шныром: наколдуй, чтобы и другие тоже не видели!

Кирюша издал тоскливый стон саможаления и, взяв совковую лопату, отправился колдовать. В который раз его изнеженное, приученное к дивану и компьютерному стулу тельце отдувалось за болтливый язык.

Когда Кирюша отколдовался, две пятерки шныров пошли по главной аллее к выездным воротам.

Вокруг все звенело. Вечером прошел снег с дождем, ночью ударил мороз, и теперь каждая маленькая веточка оказалась закована в ледяной панцирь. То и дело внутри стволов что-то постреливало: стрелял один ствол, и тотчас с другой стороны откликался другой. Каждое слово эхом разлеталось по ледяному тоннелю.

Рина нагнула ветку и подо льдом разглядела набухшую уже сейчас, с зимы, заботливо приготовившуюся к весне почку. Она стала осторожно обгрызать лед, освобождая и отогревая почку, стараясь не ранить ее. Сашка увидел, что она делает, нагнул к себе соседнюю, с хрустом сломал, сунул в рот и плюнул.

- Как ты можешь это есть? Кисло! Древесина какая-то!

- Нечуткое ты существо! - вздохнула Рина.

– Ага, есть немного, – признал Сашка.

Остальные уже собрались у новенького микроавтобуса Кузепыча, который тоже покрывала толстая корка льда. Кузепыч прыгал вокруг, искал хотя бы одну незамерзшую дверь, которая согласилась бы открыться. Первым сдался багажник. Кузепыч извлек щетку и начал войну со льдом.

– Значит, так, елки страшные! – сказал он новичкам. – Пора показать вам, что такое «шныровская точка». Начнем с ближайшей. Со временем покажу и другие.

В дороге Кузепыч ввел всех в курс дела. «Точек» – или, по-другому, опорных пунктов – у шныров было четыре. Пункты располагались в разных районах Москвы и назывались просто: «Север», «Юг», «Запад», «Восток».

Сюда шныры пробивались, если нужно было срочно спастись от берсерков или укрыть от гил раненого пега, когда он не дотягивал до ШНЫра. Снаружи они выглядели невзрачно – кирпичные сараюшки с шиферными крышами, окруженные глухим забором. Не то электроподстанции, не то склады, не то гаражи. В общем, ничего интересного. В городах полно похожих строений. На них никто никогда не обращает внимания.

Микроавтобус Кузепыча вел себя, как скаковая жирафа в знойных тундрах Норильска. Он то разгонялся на коротком отрезке до космических скоростей, то резко тормозил. Перед Москвой они залипли в пробку. Машины в пробке переговаривались нервными, истеричными гудками. Кузепыч попытался схитрить и выехал на пешеходную дорожку, тоже забитую машинами. Его не пускали, огрызались. Микроавтобус гудел в ответ тонким, неожиданно высоким голосом. Сашка подумал, что машины, как лошади. Их интересуют самые простые понятия: «Я главная! Уйди, сейчас лягну! Я поскачу первой!.. Нет, я главная!» А то, что внутри сидят люди, их, в общем, не волнует.

У Рины змейкой поползли детские воспоминания. Как она сидит на заднем сиденье автомобиля и кричит папе: «Чего ты стоишь? Поезжай на красный!» Папа почему-то не едет, только улыбается. Рина негодует, кричит еще громче, размахивает руками. Ей кажется логичным: если пешеход идет на зеленый, то машины должны ехать на красный. Как же папа не понимает таких простых вещей?

СТОП! Разве у них была тогда машина? Машина появилась позже, когда в жизни Мамаси возник Артурыч!

Наконец они куда-то доехали. Кузепыч остановил микроавтобус и долго вел всех лесопарком по заметенной аллее. Алиса промочила ноги и начала скулить.

– Посмотри на мои ноги и выруби звук! – мрачно посоветовала ей Фреда.

Алиса посмотрела на ноги Фреды. Под хлипкие осенние туфли были поддеты два шерстяных носка. На носках висели ледяные бороды.

– А где твои?..

– Ботинки? Бинт изжевал. Поставила сушить, где не надо. Новые завтра дадут.

– А ты бы резиновые сапоги...

– Чтобы у меня пальцы примерзли? Под резиновые сапоги носок не лезет! Топай, я сказала!

Они остановились возле приземистого кирпичного строения, обнесенного забором. Окон у него было три, все узкие, как бойницы. Через такие удобно стрелять. Кузепыч достал ключ.

– А вот и точка «Запад», она же «Лебедь». Находится рядом с родником «Царевна-лебедь». Вон там Химкинское водохранилище, а там река Химка, – пояснил он, воюя с замком на воротах. – Двигаться строго за мной! С дорожки не заступать! Коней, если случится, тоже вести строго по дорожке!

– Почему?

Кузепыч объяснил, что опорные точки начались со спасительных кругов, которые были устроены первошнырами и располагались в лесах вокруг Москвы. Их закладывали в разных местах на случай, если наступит ведьмари. Огораживался участок, пряталась закладка, а вокруг расставлялись ловушки. Еловая иголка, весящая как железнодорожный состав. Примагничивающая песчинка. Капля, в которой может утонуть слон. Чуть менее опасна «ловушка

философа».

Человек, угодивший в такую ловушку, не может переключиться с той мысли, которая посетит его первой. Крикнешь ему: «Лови птичку!» – и берсерк два года потом думает: «Почему птичка? Где птичка? Какая птичка? Что он этим хотел сказать? Нет ли тут скрытого смысла? Почему птичка, а, положим, не бабочка? Не символ ли это? А если символ, то чего?»

Сейчас ловушек вроде меньше, искусство их изготовления утрачено, но все равно нет-нет, а кто-нибудь нарвется.

Сашка с Риной двинулись следом за Кузепычем, наступая строго в его следы.

Кузепыч обернулся и критически посмотрел на их ноги.

– Некоторые вообще зайчиком прыгают, – непонятно заметил он.

Рина вежливо улыбнулась, оценив попытку Кузепыча пошутить.

Внутри точка «Запад» выглядела скорее по-деловому, совсем не романтично. Единственное помещение с денниками на двух пегов, несколькими раскладушками и железной печкой-буржуйкой, возле которой валялось с десяток поленьев. В углу помещался большой армейский ящик. Кузепыч отщелкнул два замка и открыл его. Обнаружились саперная лопатка, нож, шнеппер с запасом пнуфов, сухое горючее, спички, десяток банок консервов и заряженная нерпь.

В центре ящика лежал не очень большой, с два кулака, камень, похожий на кусок угля. Даня потянулся к нему. Клешня Кузепыча сомкнулась на его запястье. Даня безнадежно дернулся. Рука была в тисках. На коротких пальцах Кузепыча грозно синели буквы слова «КУЛАК».

– Ай, мне больно!

– На тебя муха сядет – тебе уже больно!.. Выносить запрещено! Только по особому распоряжению Кавалерии!

- А почему нельзя? – растирая запястье, жалобно спросил Даня.

- Закладка охраняет точку «Запад». Пока она здесь, ведьмари, грустный пень, не сунутся! Четыре пункта, и в каждом уникальная закладка. Ни одной повторяющейся! Если на карте четыре точки между собой соединишь – получится, елы-палы, квадрат.

В голосе Кузепыча прозвучали почти детское удивление и радость. Особая радость, кузепычевская, ворчливых оттенков. Он словно говорил: «То есть я, конечно, доволен, но все равно ворчать не перестану, чтобы как-нибудь кто-нибудь не воспользовался моей радостью и не вышло бы какого непорядка».

- А какие у нее свойства? – спросил Сашка.

- У нее их много. Главное, что это очень сильная закладка. Одна из четырех, охраняющих Москву. Вытащили ее первошныры. Ни одному из современных шныров с двушки ее не доставить, хоть бы он и откопал ее каким-то случаем. Силенки не те... Ну а самые интересные возможности такие, например: она может вскрывать замки, стены, кладку, все, что угодно, а потом восстанавливать их за собой.

Макар моргнул.

- То есть как? Можно просунуть закладку в банкомат, взять пачку денег и вытащить руку обратно? – спросил он быстро.

- Ну ты, паря, жук! – хмыкнул Кузепыч. – А как ты деньги будешь брать? Если выпустишь закладку, она так и останется в банкомате, и твоя рука, веселый пень, тоже...

- А другие свойства? – спросила Рина.

- Что «другие»?

- Вы сказали «у нее их много»?

– А... – Кузепыч, вспоминая, наморщил складки кожи на лбу. – Это ж «Лебедь»? Ага! Значит, это она убеждает! А то вечно я путаю!

– В чем убеждает?

Кузепыч предостерегающе покосился на Даню, точно намекал, что повторять за ним не стоит, и опустил на закладку свою тяжелую лапень. Другую лапень сунул в бездонный карман и загреб десятка полтора монет.

– Мелочь очень вкусная! В ней навалом витаминов и этих... минералов, грустный пень! – пропыхтел Кузепыч.

Сашка посмотрел на монеты на ладони Кузепыча (три из них были совсем новые, а другие довольно захватанного вида), и ему внезапно до боли захотелось отведать свежей монетки. Сашка понял, что ничего не ел с утра. Он буквально чувствовал, с каким наслаждением будет ее глотать. А ведь еще и минералы! И витамины!

Сашка протянул пальцы к новым монетам, но его опередили. Макар уже набивал себе монетами рот. Кирилл, который пытался помешать ему, он боднул лбом в грудь так, что Рина услышала костяной отзвук. Пришлось Кириллу ограничиться пятью рублями, которые он сунул за щеку.

Кузепыч убрал лапищу с закладки.

– Отбой глотать мою мелочь! Зарплаты еще не было, грустный пень! – заявил он.

Кирилл выплюнул себе на ладонь пять рублей и разглядывал их с тупым ужасом, пытаясь понять, какая сила заставила его сунуть эту дрянь в рот. На монете блестела слюна с примесью шоколада. Кирюша вечно носил в кармане конфетки.

Макар икнул.

– А я две свои уже проглотил! – сказал он.

Кузепыч ухмыльнулся.

– Ну оставь себе!.. А то тут некоторые распускают слухи, что я никогда ничего никому не дарил! Все, новички! Собираемся! Точки «Юг», «Север» и «Восток» покажу в январе, а то пробки дикие. Все за покупками выкатились.

Глава 3

ГДЕ ДЕВУШКА НА КРОВАТИ С КОЛЕСАМИ?

– Этот человек заразен.

– Почему заразен?

– Ему все равно, во что верить, только бы ни во что не верить.

Кавалерия

Возле метро Рина попросила Кузепыча притормозить и выскочила вместе с Сашкой.

– Мы Улу обещали Родиона навестить! – пояснила она.

Последние десять дней Родион лежал в Склифе, где у Кавалерии был знакомый врач из бывших шныров, ушедший еще до первого нырка. Нога у Родиона заживала плохо. Был передавлен нерв, и Родион говорил, что не чувствует большого пальца. Колешь иглой – и ничего. Сам он относился к этому с иронией, как настоящий шныр. Однако Кавалерия с Суповой его иронии не разделяли, и Родион был сослан в Склиф на долечивание.

В Склифе он устроился неплохо. Прыгал на одной ноге по палате или, сучая, выцеливал из шнеппера лампу дневного света. Говорили, что загадочным пациентом увлеклась молоденькая медсестра и по десять раз на день приходила с градусником, но Родион отнесся к ней как к боевому товарищу, и частое измерение температуры прекратилось. Зато уколы девушка теперь делала Родиону от всей души, так, что даже врач смущался и говорил: «Маргарита, ну ты полегче! Он нам живой нужен!»

В Склиф Сашка и Рина приехали поздно. Время посещения закончилось, и пустили только Рину, да и то не раньше, чем она сто раз мило улыбнулась и согласилась надеть бахилы. Сашку же задержал строгий пожилой охранник, заявив, что нечего тут толпами шлаться. Не бульвар.

– Раньше была? Куда идти, знаешь? – спросил охранник у Рины.

Рина на всякий случай соврала, что была и знает. Потом прошла за стеклянные двери и сразу заблудилась. Куча лестниц, множество переходов, и никто ничего не объясняет. Рина сама не поняла, как оказалась в дальней части корпуса, где находились технические помещения, гудели холодильники и было множество закрытых дверей.

Она уже собиралась вернуться, как вдруг в одном из коридоров послышался шум. Два медбрата везли каталку, на которой лежала по подбородок укрытая простыней девушка. Одно из передних колес каталки вихляло так, что казалось, будто каталка прихрамывает. За каталкой, то забегая вперед, то останавливаясь, чтобы взглянуть на лицо пациента, спешила женщина-врач с круглым обеспокоенным лицом.

Рина прижалась к стене, пропустила их, а потом пристроилась сзади, решив, что они выведут ее к лифту. Так и случилось. Каталку вкатили в кабину, куда проскочила и Рина.

Она стояла сбоку от каталки. Девушка, укрытая простыней, находилась от нее на расстоянии вытянутой руки. Сине-бледная, с прокушенной губой, кривящаяся от набегавших волн боли. По нетерпеливым движениям медбрата, который несколько раз с силой нажал на кнопку этажа, Рина поняла, что медики боятся не успеть.

Рина испытывала смущение, что вот она, здоровая лошадь, стоит рядом с больным, возможно, даже умирающим человеком. Она то быстро переводила на девушку взгляд, то делала вид, что разглядывает кнопки. Девушка на каталке, не отрываясь, пристально смотрела ей в лицо. В глазах, кроме боли, были удивление, вопрос и еще что-то. Обида?

«Виновата я, что ли, перед ней?» – подумала Рина и, ободряюще улыбнувшись девушке, отважно сказала:

– Привет!

Девушка улыбнулась. Это была страшная улыбка, сквозь гримасу боли.

– Ты меня не помнишь?

– Нет. А мы знакомы? – удивилась Рина.

Лифт остановился. Двери открылись. На этаже, придерживая капельницу, стоял высокий старик, а рядом с ним медсестра. Для одной кабины народу было многовато. Рина попыталась размазаться по стене, чтобы занимать меньше места, но только выдала себя.

– Ты что, читать не умеешь? Это служебный лифт! Совесть потеряли! – закричала на Рину сопровождавшая старика медсестра.

Рина стала выходить, виновато оглядываясь на каталку.

– Подожди!.. Возьми! Избавься от него! – внезапно услышала она шепот.

Из-под простыни высунулась тонкая рука и что-то быстро сунула Рине. Двери лифта закрылись. Огоньки этажей на табло поползли вверх.

Рина разжала пальцы. На ладони у нее лежал ключ с биркой, похожий на те, которыми запираются вещевые ящики в магазинах. Бирка красная, из пластика, с закругленными углами и цифрой «62».

Пока Рина суетилась и бестолково носилась по Склифу, пытаясь найти ту, чьего имени она не знала и кого могла описать только как «девушка с серыми глазами», прошло немало времени. Рина знала, что лифт проехал выше, но на каком этаже он остановился, забыла посмотреть.

Прошел час. Рина уже отчаялась, когда в одном из коридоров наткнулась на каталку. Проверяя, Рина толкнула ее вперед и немного провезла. Так и есть! То

самое «прихрамывающее» колесо! Она еще не отпустила каталку, когда дверь неподалеку открылась и вышла знакомая Рине круглолицая докторша.

Рина бросилась к ней.

- А где девушка? Тут была, на кровати такой с колесами? - крикнула она.

Круглолицая остановилась и неприязненно уставилась на Рину. Рина старательно улыбалась. Она не понимала, что в ней может вызывать такое раздражение.

- А вы ей кто? Сестра? Подруга?

- Подруга, - ухватилась за подсказку Рина.

- Хм... подруга... Она в операционной. Ниже диафрагмы у нее огромная полость. Так-то, подруга! - круглолицая быстро взглянула на Рину. Голос у нее чуть потеплел.

На прокачаный литературной классикой слух Риной, полостью была какая-то штука, имевшая отношение к морозам и к ямщикам. А диафрагма - это вообще из области фотографирования.

- Пустота. Объемом литра на два... На ушиб она не жаловалась? Странно, что она пришла к нам только сейчас - боли должны были быть страшнейшие. Лекарств никаких не принимала? Сильное болеутоляющее? Наркотики?

- Не знаю, - торопливо ответила Рина. - А почему наркотики?

- Анестезия на нее не действовала. Такое с наркоманами бывает... А эти ваши родственники, где они? Уехали? - голос у докторши снова стал резким.

- Какие родственники? - не поняла Рина.

Круглолицая ей не поверила. Она надвигалась на Рину, и той приходилось пятиться.

– Можно было хотя бы перед операцией воздержаться от выяснения отношений? Непонятный старик, голосящие тетки! Пытались ее увезти, притащили с собой какого-то непонятного нетрезвого человека в медицинском халате! Кричали на нее, довели до слез! Ее готовят к операции, а они на десять минут выгнали всех из палаты, непонятно, что с ней делали, а потом оставили этого истукана!

– Какого истукана?

– А вон! – круглолицая решительно вытолкнула Рину на пересечение коридоров.

У двойной двери, ведущей в операционную, на банкетке сидел здоровенный мужик с лицом типичного берсерка. Его правая рука была упрятана в большой желтый пакет. Даже не обладая большой фантазией, можно было сообразить, что там далеко не бутерброды.

Прежде чем берсерк повернул голову, Рина скользнула к лестнице.

– Эй!.. Как тебя... подруга! Ты куда? – удивленно крикнула ей вслед круглолицая докторша.

Сашка ждал Рину внизу. Он стоял рядом с пожилым охранником, который поначалу казался таким строгим, и помогал ему разгадывать кроссворд.

– Маршал Наполеона! Пять букв! – издали крикнул он Рине.

– Белдо! – мрачно пошутила Рина.

– Не! – удивился Сашка. – Чего ты? В Белде разве пять букв?

Рина молча схватила Сашку за рукав и поволокла его за собой.

На сей раз прикормленный кроссвордами охранник Сашку не задерживал. Он объяснил, как добраться до отделения, так что Родиона они нашли быстро. Он лежал, накрытый с головой одеялом. Из-под одеяла видна была только закованная в гипс нога. Сашка сделал шаг к кровати, и тотчас к его шее, чуть ниже затылка, приставили что-то холодное. Сашка угадал шнеппер. Скосив глаза, он увидел одну босую ногу и одну поджатую, точно в белом валенке.

- А где ты гипс второй взял? - спросил Сашка.

- Это мой. Я в нем сюда приехал, - мрачно ответили ему.

- А тут новый наложили? Везет тебе! - неосторожно брякнул Сашка и тотчас схлопотал по уху рукоятью шнеппера. Потирая ухо, Сашка запоздало припомнил обстоятельства, при которых судьба осчастливила Родиона гипсом.

Родион допрыгал до кровати и плюхнулся на одеяло.

- Пришлось подстраховаться! Я видел на автостоянке Тилля. Он приезжал с четверкой берсерков, - объяснил он.

- А не Белдо? - удивилась Рина.

Родион молча посмотрел на нее. Рина прикусила язык. Чтобы спутать Тилля с Дионисием Тиграновичем, надо удариться не ногой, а головой.

- Тилль внутрь не заходил. Потоптался и уехал, но «берики» остались.

- Одного я, кажется, видела... - Рина быстро рассказала Родиону о девушке на каталке. Об одном умолчала - о ключе с красной биркой и цифрой 62.

Родион кивнул.

- Странная история... Должно быть, это из-за нее Тилль приезжал. На каком она этаже?.. Ночью Лехур на сутки заступает - он выяснит, как и что...

- Лехур?

- Алексей Юрьевич. Хирург, - нетерпеливо ответил Родион.

Рина сообразила, что Лехур - и есть бывший шныр. А что Алексей Юрьич стал Лехуром - ничего странного. Шныры вечно все сокращают.

– Через главный вход вам лучше не выходить. Берики могут узнать!
Сматывайтесь через приемное! – распорядился Родион, когда они прощались.

Глава 4

ВЕТКА О ДВУХ КОЛЮЧКАХ

Человек постоянно составляет список тех, на кого можно орать. Это золотой запас его психологического здоровья. И почему-то во главе этого списка всегда те, кто его любит.

Мамася

Мама в пятнистой шубке выдергивала из снега мальчика, будто морковь из грядки.

«И в кого ты такой нетерпеливый? Смирно стой! Опять весь изгваздался!» – кричала она, не отдавая себе отчета, что сама только что непонятно зачем дважды обежала вокруг машины и несколько раз вытащила и спрятала ненужный телефон.

Яре всегда интересно было наблюдать, как родители общаются со своими детьми. Кричат на них, одергивают, толкают. При этом Яра всякий раз обнаруживала, что больше всего родителей злят те недостатки, которые повторяют их собственные. Толстых пап-пингвинчиков, например, выводит из себя, что их сыновья не могут сесть на шпагат и плохо играют в футбол. Может, дети даны нам, чтобы мы могли посмотреть на себя со стороны?

Ул и Яра сидели у подъезда на железной трубе и ждали Афанасия, за которым заскочили по дороге после прогулки по городу.

– Слушай, – сказала Яра. – Я поняла вдруг, что никогда тебя не спрашивала... Как ты оказался в ШНыре?

– Как все... былиин... на маршрутке привезли! А дальше ножками.

– Я не о том. Что послужило причиной того, что к тебе прилетела пчела? Ты никогда не задумывался?

Ул хмыкнул, и Яра поняла, что, конечно же, задумывался. Да и всякий шныр, наверное, хоть раз задавал себе этот вопрос.

– У меня есть двоюродная сестра.

– Которая Ася? – Яра, разумеется, уже знала всех его родственников.

– Угум. У Аськи в пятницу отчетный концерт, а они как раз в среду на новую квартиру переехали. В четверг перевозят пианино, и – чик! – оказывается, грузовой лифт еще не запущен, а чтобы в обычный лифт пианино впихнуть, его надо пилой распилить. А нас трое: я, парень этой самой Аськи и дворник из Узбекистана... В общем, поверишь или нет, мы это пианино на двадцать второй этаж пять с половиной часов перли. Дворник дезертировал этаже так на четырнадцатом... Как вспомнишь, понимаешь, что все остальное в моей жизни рядом с этим пианино просто ерунда. А потом, как я его впер, смотрю, у меня по шее пчела ползет! Наглая такая! Я ее давил, давил...

– А к парню сестры пчела не прилетела? – спросила Яра.

Ул ухмыльнулся:

– А чего к нему лететь-то? Он ныл все время. А когда ноешь, сам себя нытьем вознаграждаешь.

– А о чем ты думал, когда пер?

– Да ни о чем. Как бы допереть... – Ул задрал голову.

Форточка над ними брызнула стеклом, и на газон свалился табурет.

Мама в пятнистой шубке и ее непятнистый мальчик перестали давать друг другу концерты и разом вскинули головы.

– А на каком Аф этаже? – обеспокоилась Яра.

– Чудо, былиин! Откуда табуретка прилетела, видела? По-моему, очевиднее подсказать невозможно, – удивился Ул.

– Надо что-то делать!

Ул усмехнулся. Когда Яра благородно говорила: «Что-то надо делать!» – делать обычно приходилось Улу. Он неохотно поднялся и, прихватив из сугроба воткнувшийся в него табурет, пошел в подъезд. Яра рысцой побежала за ним.

Дверь на втором этаже была нараспашку. Ул увидел спину Афанасия, который, повторяя что-то успокоительное, придерживал за руки встопорщенную маленькую старушку. Заметив Ула, старушка с писком вырвалась, кинулась по коридору и заперлась в туалете.

– А-а-а-а! – закричал Афанасий, колотя в дверь. – Что ты наделал? Не надо, Нина Матвеевна! Отнимите у нее телефон! Любой ценой! Аа-аа!

Из-за двери слышалось бойкое бормотание.

– А чего такое-то? – спросила Яра.

– Да она вызывает всех подряд! Пожарных, ФСБ, милицию, «Скорую»!.. Рассказывает, что у нее трупы под диваном, взрывчатка на антресолях, а ее саму захватили в заложники и пытаются!.. И главное: убедительно говорит! Откройте дверь, Нина Матвеевна! Вам же хуже будет! В психушку заберут!

– А ну-ка, отойди! – решительно велел Ул.

Используя льва, он легко снял дверь с петель, забрал у старушки телефон, бережно отнес ее в комнату и усадил в кресло. Дальше в дело включилась Яра, хлопотала с чаем и лекарствами, и через полчаса Нина Матвеевна уже мирно спала.

– Все! Теперь до утра!.. А там уж не моя забота: Рузя дежурит! – с облегчением сказал Афанасий. – И почему шныры вечно должны всех опекать? Откуда

сваливаются все эти ненормальные, увечные, несчастненькие? Э?

– Обычная история. Бабка в очереди. А подходящую закладку не могут выудить вторую неделю. И все это время бабку приходится опекать, – пояснил Ул.

– Все равно глупо! Молодых психов завались, а закладку тащим для бабки, – разглядывая прокушенный палец, буркнул Афанасий.

Ул строго взглянул на него.

– Да все я отлично знаю! Не мы решаем, кого, когда и как. Сто раз слышал! – буркнул Афанасий. – Думаешь, легко с этой партизанкой целые сутки просидеть? Она меня самого нервным сделала! Вон, глаз дергается!

* * *

До «Планерной» они добрались за час. Город был засыпан снегом. За троллейбусными дугами по заточенным в ледяной футляр проводам ползли синие молнии.

– Как поживает Гуля? – спросила Яра.

– Нормально, – кисло ответил Афанасий. – Недавно выиграла комплект дорожных кастрюль! Тяжелые, как утюги. И мы их перли. По дороге устали и начали раздавать... Так, вообрази, многие не брали. Москвичи во всем подозревают подвох. А самую большую кастрюлю мы запустили в Москву-реку. С моста. Думали: она пробьет лед. Ничего подобного – тогда льда уже сто лет не было.

– Подарил бы Суповне! Она была бы счастлива! – с сожалением сказала Яра.

Афанасий даже остановился, пораженный этой мыслью.

– Во! Сразу видно: женское мышление! – воскликнул он восхищенно. – Но, увы, всякая хорошая мысль всегда приходит опосля! И вообще: во мне живет неблагодарная свинья!

- Ну и пусть живет! Не ковыряй ее! - посоветовал Ул.

- Ты не понимаешь. Если б она только жила, а она все время хрюкает! - пожаловался Афанасий.

Яра и Ул улыбнулись, но кисло. Разговор не клеился. Афанасий ничего не мог понять и напрягался. Он ощущал себя третьим лишним на празднике жизни. Влюбленные, если разобраться, скучнейшие люди для окружающих.

- Ул! - начала Яра, когда они в подмосковной маршрутке ехали в Копытово. - Помнишь, ты поспорил мне одно желание? Скажи, пожалуйста...

- Пожалуйста! - сразу согласился Ул.

- УЛ!

- Ничего не знаю! Ты просила сказать «пожалуйста»! Желание исполнено, - заявил Ул.

Сказал, а сам вопросительно следил за Ярой глазами. И она, разумеется, прекрасно это чувствовала.

- Сегодня? - спросила она.

Короткий шрам на верхней губе Ула дрогнул.

- Хорошо. Сегодня вечером.

- Чего вечером? - влез Афанасий. Он сидел впереди, рядом с водителем, и все время оборачивался.

- Вечером и узнаешь! - пообещал Ул.

- А почему вечером? Что, сейчас нельзя?

- Можно и сейчас. Но лучше вечером, - таинственно ответил Ул.

В Шныр они пришли в середине ужина. Кто-то из средних шныров – скорее всего, Наста, которая вечно все нарушала, – впустил в столовую жеребенка Дельты и спрятал его под столом. Вместо того чтобы сидеть тихо, жеребенок вскидывал голову и бился снизу в столешницу. Наста и те, кто был с ней вместе за столиком, изо всех сил делали вид, что ничего не происходит, хотя после каждого такого «буха» тарелки подлетали на полметра.

Ул и Яра за стол садиться не стали и сразу, как были, в куртках, прошли к столу Кавалерии. Та вопросительно подняла на них глаза.

– Вообще-то в помещении принято раздеваться! – заметила она.

– Мы хотим... – начал Ул. Он осекся, кашлянул, приобретая внутренний разгон, и решительно закончил: – Ну это... расписаться!

Кавалерия осторожно опустила ложку на стол. Потом приподняла ее, проверяя, не осталось ли на полировке пятна, и подложила под ложку салфетку.

– Это не по адресу. Ближайшее отделение ЗАГСа находится в Копытове. Но лучше всего по месту прописки, – заметила она.

Ул жалобно оглянулся на Яру. Во все сложные моменты рупором становилась именно она.

– Вы не поняли! – торопливо заговорила Яра. – Бумажки мы сами оформим. Ул хочет сказать, что мы с ним хотим вступить в шныровский брак.

Кавалерия вскинула брови:

– Отлично! Вы люди взрослые. Запретить вам я не могу. Но все же очень надеюсь, что вы раздумаете. Потому что это будет шныровский брак.

– Мы не раздумаем, – уверенно сказал Ул.

Кавалерия вздохнула.

– Я подумаю. Давайте вернемся к этому разговору после Нового года! – сказала она и, считая, что вопрос исчерпан, потянулась за хлебом.

Ул с Ярой переглянулись и остались у стола.

– Ну в чем дело? Неужели нельзя подождать две недели?

Яра с ласковой улыбкой наступила Улу на большой палец ноги, включая звук.

– Мы хотим сегодня. Как раз в этот день у Яры познакомились родители, и нам бы хотелось... – послушно начал Ул.

Кавалерия рывком встала, за ручку на шлейке подхватив с пола Октавия. Тот ощутил недовольство хозяйки и зарычал на Ула, болтая лапами в воздухе.

– Вы знаете, как это происходит? Когда-нибудь своими глазами видели?

Яра мотнула головой:

– Нет. Но мы читали.

Короткая косичка Кавалерии хлестнула, как тигриный хвост.

– Мало ли кто что читал? Читать, что волки съели человека, и видеть, как его съели, – разные вещи!.. В первом случае зеваешь. Во втором – долгие годы не можешь спать. Вы в курсе, что в последние годы в шныровский брак вступали только однажды – те двое, залипшие на выходе из двушки? Они оказались неготовы! А сколько в них было горячности, сколько пыла!

– С нами такого не случится, – упрямо сказала Яра.

– В таком случае позвольте вас поздравить! – голос Кавалерии согрелся, но сразу охладел. – Что обычно говорят новобрачным? «Ярослава и Олег! У вас все будет отлично и легко, розы, поцелуи в парке и дети в розовых комбинезонах!» А надо говорить: «Радости радостями, но чаще у вас будет все плохо, нудно и тяжело. С каждым годом в каждом из вас начнут открываться все новые недостатки, а терпения и любви окажется катастрофически недостаточно. Вас ждут

испытания, но если вы постараетесь – до крови и пота, то сможете выстоять и останетесь вместе». Если вы ожидаете чего-то другого, лучше сейчас повернуться и быстро-быстро разбежаться.

Ул и Яра слушали Кавалерию хмуро, как злую фею, которая притащилась из чулана и отрабатывает программу отковыривания позолоты от чужих иллюзий.

– Мы останемся вместе, – повторила Яра.

Кавалерия и не ожидала другого.

– На все готовы? Уверены в своих чувствах? Настаиваете? Прекрасно!

Яра была убеждена, что Кавалерия куда-то пойдет, но директриса осталась на месте. На укороченной нерпи вспыхнула рука со скипетром. В пальцах у Кавалерии Яра увидела рдяную ветку, покрытую длинными, как у шиповника, колючками.

– С двушки, – пояснила Кавалерия. – Почти у второй гряды. Ближе не растет.

Ул и Яра жадно разглядывали ветку.

– Сжать нужно сильно. До крови. Никаких клятв при этом произносить не нужно. Это излишнее, – жестко продолжала Кавалерия.

– Сжать и все? – спросил Ул.

– Да. Никаких формальностей, сборов через сберкассу и прочего. Вы – и ваши чувства – будете испытаны. Когда и как, не знаю. Шныровский брак состоится, если оба пройдут испытание. Никто не сломается, не предаст, не отвернется.

Яра сглотнула, неотрывно глядя на колючки. Они казались ей все длиннее и острее.

– А если кто-то не пройдет? – спросила она.

- Тогда один из вас умрет. Причем более достойный.

- А почему?

- Потому что достойный! И потому что это шныровский брак! - невозмутимо пояснила Кавалерия.

Первым, оглянувшись на Яру, руку за веткой протянул Ул. Колючки коснулись ладони. Пальцев он пока не сжимал. Ждал.

- Надеюсь, ветка одноразовая, - напряженно пошутил он.

- Одноразовая. С пятнадцатого века с каждым годом все одноразовее и одноразовее, - кисло подтвердила Кавалерия. Ощущалось, что брак двух старших шныров не вызывает у нее ни малейшего восторга, а только озабоченность.

- Готовы? Не раздумали? - не услышав столь желаемого «нет», Кавалерия вздохнула: - Ну тогда! Раз... Два...

Яра первой стиснула пальцы, одновременно закрыв глаза. Боль оказалась терпимой. Две колючки вонзились в ладонь. Она сжимала пальцы все сильнее, чувствуя, как капли крови текут по ладони, и боясь взглянуть на них.

«Я люблю Ула! Я люблю Ула! Я люблю У...» - повторяла она, как ей казалось, про себя. Но губы все же шевелились.

- Я уже в курсе!.. Спасибо за разъяснения!.. - услышала она голос Кавалерии и, спохватившись, открыла глаза.

Кавалерия улыбалась. Правда, без всякой веселости.

- Достаточно! Ветку можно отпустить!

Пальцы они разжали одновременно. Ветка упала на пол. Разглядывая кровь на ладони, Ул деловито зализывал ранки языком.

– И что? Все? – спросил он. – Нигде не расписываться? Кольцами не меняться? Шампанское не открывать?

– Совершенно верно, – без тени иронии подтвердила Кавалерия.

– А поцеловаться?

– Можете, – спокойно разрешила Кавалерия.

Ул оторвал язык от ладони.

– Засада, былиин!.. Я похож на вампира! А можно потом?

Кавалерия пожала плечами:

– Это была не моя идея.

– Я думала, длиннее будет, – удивленно заметила Яра.

– В этом можешь не сомневаться. Это только начало. – Кавалерия посмотрела на капли крови и добавила: – Причем наименее болезненное. Все прочее будет происходить уже само собой. Без моего участия и без магических веток. Сроков я тоже не знаю. Неделя, месяц, два месяца. В конце этого периода вы или станете одним целым, или кто-то останется в одиночестве.

В столовую вбежали Рина и Сашка и бросились к столику Кавалерии. Запыхавшиеся, с мороза. Щеки у Рины были как свекольным соком натерты. Только глаза блестели, а сверху пестрая шапка со смешными собачьими ушами.

– Мы из Склифа! Там полно ведьмарей и... – начала Рина и вдруг наклонилась: – Ой! У вас палка какая-то упала!

– Нее-е-т! Брось! – запоздало крикнула Кавалерия.

Реакция у Сашки была, как у мангуста. Он понял только, что Рина взяла нечто, что таит опасность. В прыжке он сбил ее с ног и рванул ветку к себе, ощутив

обжегшую пальцы боль.

- Порезался... А чего такое-то?

- Ничего! Ты меня тоже порезал! - Рина открыла ладонь. На подушечке большого пальца алела длинная неглубокая царапина, быстро наполнявшаяся кровью.

Кавалерия взяла у Сашки ветку. Осторожно, двумя пальцами. Острая вспышка серебристой руки на укороченной нерпи, и ветка исчезла.

- А чего это была за палка-то? - запоздало спросил Сашка.

Кавалерия страшными глазами уставилась на Ула и Яру. Если бы взглядом можно было заморозить или обратить в пыль - все это несомненно произошло бы с ними.

Возникла томительная пауза, нарушаемая звуками хвоста Октавия, когда он ударялся о кожаное плечо Ула. Сашка, ничего не понимая, вертел головой.

- Так что это за ветка?

- Кто-то с двушки притащил. Нет чтобы закладки искать, так они пока все деревья не переломают - не успокоятся, - объяснил Ул.

- А-а. Ну да... есть такой момент... - разочарованно протянул Сашка.

Глаза у Кавалерии погасли. Она встала, взяла Рину под руку, отвела ее в сторону и стала внимательно слушать про Склиф и берсерков. Верный Сашка маячил рядом в качестве группы поддержки, пока Суповне не понадобилась грубая мужская сила для переноски стола.

Первым побуждением Рины было умолчать про ключ с красной биркой, но без него рассказ не имел бы необходимой внутренней связи. Она отдала ключ Кавалерии, и та взяла его. Октавий втянул носом воздух и завыл с коротким взлаем.

– Успокойтесь, Император! На истерику команды не было! – Кавалерия подозвала Яру. Рина с тоской наблюдала, как ключ с биркой падает к Яре на ладонь.

– А?.. – вопросительно начала Яра.

– Подробности вот стоят, – показав на Рину, Кавалерия повернула голову ко входу.

Между кирпичными колоннами наблюдалась оживленная возня. Сашка и Вовчик тащили громоздкий стол.

– А этот убирайте! – распорядилась Суповна. Пораженная школа наблюдала, как из столовой уносят преподавательский стол и на его место водружают новый, длиннее прежнего на добрый метр.

Поздним вечером Ул и Яра пошли в пегасню, к Азе. Стекла пегасни запотели изнутри. По обе стороны от ворот высились огромные кучи обледеневшего снега.

– Обормот Витяра! Льва использовал! – сказал Ул, вспомнив, кто сегодня был дежурным.

– Откуда ты знаешь?

– Можешь представить себе человека, который без льва забрасывает снег на четыре метра?

Яра отрешенно кивнула. Она стояла у ворот, не заходя в пегасню, и, сняв перчатку, ногтем ковыряла на воротах краску. Ул понял, что она чего-то ждет. Явно не рассказа об обормоте Витяре.

– Чудо, былиин, с этой веткой! Не сочти меня циником, но я ничего не почувствовал! Как-то быстро! Укололись палкой и – женаты!.. Нет чтоб Мендельсона какого-нибудь забачать, речугу, там, произнести про социальную значимость брака... – заявил Ул смущенно. С Ярой он всегда был откровенен, раз и навсегда решив, что откровенность лучше любой лжи, пусть правильной, уместной и мудро взвешенной.

Яра молча смотрела на него. Кто-то, задираясь, сильно толкнул Яру сзади в центр спины. Не ожидая этого, она упала в снег. За ней стоял жеребенок Дельты. Грива щеточкой, задорная метелка хвоста и крылья, но не светлые, а соломенного оттенка, ближе к краю коричневеющие...

Яра лежала на снегу, перевернувшись к небу лицом, а жеребенок тыкался ей в лицо влажным носом и пофыркивал.

– Подвинься! Я тоже хочу, чтобы меня пропылесосили! – потребовал Ул, торжественно укладываясь рядом.

Его желание было немедленно исполнено.

Разумеется, без внутренних шныровских сплетен не обошлось. Хотя Кавалерия ничего и не афишировала, но она же ничего и не скрывала, считая и то и другое одинаково вредным. Когда Ул и Яра сжимали ветку, рядом появилась кухонная девушка Надя, подошедшая вытереть стол. Не поднимая глазок, Надя вытерла стол и тихо растаяла. А к концу ужина новость облетела весь ШНыр.

Сплетни пошумели-пошумели и затихли еще до ночи. В конце концов, для ШНыра не было никакой новости в том, что Ул и Яра вместе. Куда больше все удивились бы, если бы они разлучились.

* * *

В комнате девчонок-новичков было не соскучиться. Рина ловко, как кошка, прыгала по кроватям. Она сама не понимала, что с ней. Восторг превращал ее в наполненный газом воздушный шар. Мелькали пристегнутые к ноге ножны. Алиса, которой она мешала спать, гонялась за ней, размахивая подушкой. Потом, обессилев, опустилась на пол.

– Слушай, ты можешь не орать? – взмолилась она плачущим голосом.

Рина удивленно остановилась:

– Кто орет? Я не ору, я радуюсь!

- Ночью??? А повод? Ну скажи: чему ты радуешься?

- А что, нужен повод? А если без повода?

- Придушите ее кто-нибудь, чтобы она не радовалась! - простонала Фреда.

Сама она никогда не признавалась, что ей хорошо. Говорила «сносно». А то скажешь «хорошо», и решат, что тебе в ШНыре нравится. Притворяться недовольным выгоднее.

Лара вставила в розетку зарядник мобильного.

- Да влюбился человек. Чего вы к нему лезете? - спросила она.

Рина коленом налетела на спинку кровати и не почувствовала боли. Потом уставилась на Лару. Та была в ночнушке, с маской крема на лице. Лара была уникальна тем, что ляпала то, о чем другие только думают. Если Наташа Ростова не удостаивала быть умной, то Лара не удостаивала быть хитрой. Да и вообще, в Ларе каждый день открывалось что-нибудь новенькое.

Она была проста, как слово «ах!». Очень средняя школа таинственно ухитрилась протечь сквозь ее мозг, не затронув его. Достигнув шестнадцати лет, Лара считала, что мороз в холодильник передается «по электричеству». Хряк и кабан у нее были разные животные, не исключено, что враждебные друг другу. «Неужели» она писала в три слова, а «нож» с мягким знаком. При этом не сказать, чтобы у нее была такая уж дырявая память: она помнила всю мировую эстраду, кто на ком женился и кто кого бросил за последние десять лет.

Лара была помешана на здоровье. Патологически боялась сесть на что-нибудь холодное. Утверждала, что девушка не должна закидывать ногу за ногу, потому что это неприлично, а через пять минут травила анекдоты, от которых Кузепыч покраснел бы, как институтка.

Но при этом - чудо из чудес! - в Ларе было море любви и заботы к малознакомым людям. Когда у Оксы умерла бабушка, Лара единственная из всех новичков плакала с ней вместе и обнимала ее, хотя прежде Оксу едва знала. Это тронуло даже Суповну.

Ночью с Риной по кентавру связался Родион. Сообщил, что операция, длившаяся девять часов, закончилась. Девушка так и не очнулась после наркоза.

- Что с ней? Есть какие-нибудь прогнозы? - спросила Рина.

В трубке послышался короткий смешок. Родион, как всегда, не отличался сентиментальностью.

- Главное, не отбросить лыжи в ближайшие трое суток. Это и будет главный прогноз. Так сказал Лехур.

* * *

Под утро на расчищенной дороге на Копытово появился черный внедорожник. Он остановился на пригорке в полукилометре от ворот ШНыра и сразу погасил фары. С переднего сиденья выскользнул секретарь Гая Арно и услужливо распахнул дверь.

Оказалось, трудился он напрасно. Человек, находившийся на заднем сиденье, даже не попытался выйти из машины. Сидел и молча, со смесью ненависти и тоски, смотрел на ШНыр. Арно различал только темный, точно из картона вырезанный плоский силуэт.

Арно растерянно топтался рядом. Ноги мерзли: он был в легких туфлях. Чутье опытного подхалима подсказывало: сейчас выгоднее молчать. Он так и застыл у двери, не рискуя ни закрыть ее, ни открыть шире.

Прошло минут десять, Гай подал голос:

- Холодно!

Арно торопливо захлопнул дверь. Вернулся на свое место. Джип тронулся. За ним, прилипнув к бамперу, следовала машина с арбалетчиками. Кондиционер торопливо согревал воздух.

- Что Белдо? Не нашел змея Антона Лея? - спросил Гай.

Секретарь мотнул головой, забыв, что с заднего сиденья движения его головы не видны. Но Гай каким-то образом понял, что ему ответили.

– Скверно, – отозвался он.

Арно моргнул. Ему ничего не нужно было объяснять. Подземное хранилище элей – загадочное и страшное место, устроенное некогда первошнырами. Иногда его называют еще «главной ошибкой первошныров». Первоначально хранилище строилось как место заточения тех вылупившихся элей, которых первошныры по какой-либо причине не могли уничтожить. Например, если эль сохранил телепатическую связь со своим выжившим инкубатором, и смерть эля привела бы к смерти инкубатора.

Прошли века, и давно утратившая связь со шнырами тюрьма элей постепенно стала их главной крепостью в человеческом мире, идеально защищенной от вторжения, идеально экранированной от какого-либо воздействия, вредного для вылупившихся личинок. Даже рядом с хранилищем срок жизни личинок значительно продлевался.

Первое время шныры еще помнили о ней, но потом в один страшный год погибли разом все оставшиеся первошныры и все, кроме одного, старшие шныры. Несколько лет, пока не подросла смена, ШНыр в буквальном смысле выживал, превратившись в осажденную крепость. Многие из новичков и средних шныров, не выдержав испытаний, перебежали к ведьмарям. Другие сомкнулись и выстояли, сохранив главное – нырки. Память о хранилище была утрачена вместе со многими другими знаниями, став сугубым достоянием ведьмарей.

Хранилище – единственное место, где эли – не вызревшие еще в опекунов или не обладавшие способностями к опекунству – могут существовать в чужом мире, который, несмотря на все их попытки, так до сих пор и не стал их собственностью. Во всех других местах эли или высохли бы, или превратились бы в желе, как выброшенная на берег медуза.

Дверь хранилища – значительной силы артефакт, изменивший своей сущности. Слишком долго он общался с элями и не устоял. Открывается дверь раз в пять лет, при этом хранитель ключа обязательно гибнет. Тело пожирают ворота, которые становятся мягкими, расползаются, как туман. Ключ отпирает их, впуская личинки в хранилище.

Конечно, пять лет – срок немалый, и не все личинки способны продержаться так долго, но все же большинство выживает. Сократить его нет никакой возможности: это связано и с циклами артефакта, который не может, преображаясь, отпирать хранилище чаще, и с тем, что иначе ведьмари не успевали бы находить новых хранителей ключа, которые, разумеется, чаще всего не подозревают, какое счастье ждет их в финале.

Но в этот раз что-то пошло не по схеме. Антон Лей, пронырливый и вечно себе на уме, узнал, какая судьба его ждет, и убил себя.

У Эли змейка тоже не задержалась. Теперь непонятно, где она и у кого. Без змейки же невозможно поместить в хранилище тех молодых элей, что выходят из гибнущих инкубаторов. А на поверхности условия не те. В конце концов, наш мир пока не похож на болото. Многие проклюнувшиеся эли погибнут. Эльбы будут в бешенстве. Как те, что в болоте, так и новые, в самом хранилище. А когда эльбы в бешенстве – можно ожидать чего угодно.

– Ищите!.. У девчонки не было времени толком его спрятать! Обшарьте квартиру, проследите каждый ее шаг. Ох, не завидую тому, кто получит эту цепочку...

Через затемненное стекло машины Гай смотрел на лес, за которым спрятался ШНыр. Он помнил время, когда лес был дубовым и без разрывов тянулся до теперешнего Бульварного кольца. Теперь дубов осталось немного. В основном березы, ели, клены. Да и деревья так себе, больные, второй сорт. Лес меняется. Все в мире меняется. От мельницы у речки осталось три или четыре камня. Сколько же лет прошло?

– Девчонка еще жива? – неожиданно спросил Гай.

– В коме, – торопливо ответил Арно. – Нам успели вовремя позвонить. Уточкин извлек у нее эля перед самой операцией. Хоть Долбушин и жалуется на расходы, держать информаторов в каждой крупной больнице – выгодно.

Гай заставил себя отвернуться от окна. Опустил тяжелые веки, перерубая воспоминания ножом гильотины.

– Интересно, Долбушин знает? Хотя какая разница?.. Звони Белдо! Пора начинать операцию «Опора»! – велел он.

Арно долго мялся, прежде чем отважился спросить. Этот вопрос тревожил аккуратного секретаря давно. Он любил ясность.

– Проклюнувшихся и выживших элей гораздо больше, чем тех, кто способен стать опекунами. Зачем нужны остальные? Эли же... э-э... не очень сентиментальны... – спросил он с ужимкой мудрой обезьянки, быстро почесывая правой рукой за левым ухом.

Гай оглянулся. Арно стало жутко: из темноты машины на него смотрели неподвижные, горящие глаза.

– Лишних эльбов не бывает. У каждого своя функция, роль или задача. Но большинство из них откроются не скоро. Когда они населят наш мир, – разомкнув губы, неохотно ответил Гай.

Глава 5

КЛЮЧ С КРАСНОЙ БИРКОЙ

Действовать всегда нужно на пределе любви и заботы, расширяя их границы. Не ожидать, что ты станешь тащить человека, сломавшего ногу, и тебя будет зашкаливать от человечности. Ты будешь думать про себя: «Да хоть бы ты сдох, боров толстомясый!» – но при этом тащить.

Из дневника невернувшегося шныра

Яра вертела в руках ключ с биркой. Рядом на стуле сидел Ул и старательно притворялся мыслящим. В шаге от них пыхтел Макс, добиваясь от своего однозарядного арбалета равномерного натяжения тетивы.

– Вспоминай, муж мой, вспоминай! Ты же всю Москву знаешь! – требовала Яра.

Ей нравилось называть Ула «муж». Она все утро экспериментировала, как ей больше нравится – «муж» или «мой муж». В конце концов она остановилась на самом длинном и потому самом приятном для языка варианте «мой мушшш».

Макс оторвался от своего арбалета.

– Т-такие би-би-би... – начал он.

Ул с Ярой вежливо ждали, пока Макс не перестанет бибикать. Он же, понимая, что может бибикать до бесконечности, вывернулся по-другому:

– ...кы... ключики не то в «Сы... стольнике», не то в «Пятнашке»! У меня мать рядом с таким м-магазином живет!

– Ну вспомнил, наконец! – одобрил Ул.

Они пролистали справочник. В Москве оказалось сорок «Стольников» и тридцать «Пятнашек». Это были сетевые продуктовые магазины. В основном они располагались у метро и в жилых кварталах.

– Семьдесят магазинов! Сдохнуть можно! Надо хотя бы определиться, «Стольник» это или «Пятнашка». Тогда мы сразу отбросим половину. Я мигом! – Яра просительно протянула руку к нерпи Ула.

Тот спрятал руку за спину и заявил:

– Низзя!

Телепортировать с двумя нерпями запрещалось правилами ШНыра. Если бы Кавалерия или Кузепыч застукали их, неделя дежурства по пегасне была бы обеспечена – причем как для того, кто отдал свою нерпь, так и для того, кто ее выпросил. Правда, запрет порой нарушался. Очень уж удобно смотаться в один конец, используя зарядку одного сирина, а обратно вернуться на другом.

– Не будь занудой! Макс не скажет. Правда, Максик?

Максу захотелось пошутить, что он скажет.

– Сы... сы... сы... – начал он.

Ул и Яра переглянулись. К тому времени, как Макс одолеет коварное слово, Яра вернется.

– Ладно, шныруйся скорее! – вздохнул Ул.

– Я мухой!.. Одно крыло тут, одно там! Счастливо, мушшшшш!

Яра коснулась сирина. Ул привычно закрыл глаза, чтобы его не ослепило. Потом стал дожидаться Яру.

Прошло десять минут. Потом двадцать... Потом полчаса... Яры не было. Макс давно с тревогой смотрел на Ула, который метался по комнате, как тигр по клетке. Он знал, что телепортация до ближайшего «Стольника» заняла бы секунды две. Еще три минуты, чтобы посмотреть, какие там бирки, и вернуться. Ну пять минут от силы... А они даже не знают, в какой район Москвы Яра перенеслась. Где ее теперь искать?

– А если там пы... перерыв? – решил утешить его Макс.

– В сетевых магазинах перерывов нет! – отрезал Ул и стал звонить по телефону. Мобильник Яры откликнулся тут же, на столе, на расстоянии вытянутой руки. Она его, разумеется, забыла. Попытался связаться с Ярой по нерпи Макса – никакого ответа, хотя обе нерпи – и его, и Яры – были заряжены под завязку, включая кентавров.

В голову лезли мысли одна страшнее другой. И как он мог ее отпустить? Яра слишком спешила, чтобы грамотно провести телепортацию. А вдруг она вмуровалась в бетон площадки для паркинга, а над ней – возможно, в сантиметре от ее разметавшихся волос и застывшего в немом крике рта – ходят семейные пары с тележками и всерьез обсуждают, возможны ли в природе обескакавленный шоколад и обезжиренное сало?

* * *

Яра все делала по правилам. При телепортации, не отвлекаясь, старательно представляла площадку у метро «Войковская». Вот трамвай делает петлю, вот фигурная ограда парка, а тут появится она.

А потом была вспышка. Множество крошечных шариков собралось вместе, вновь образовав то, что Яра считала своим телом, – и ни ограды, ни трамвая. Яра лежала в непонятно откуда взявшемся железном ящике и шарила руками по стенкам. Вокруг была темнота. Кромешная. Хоть бы искра где какая: ничего. Яра шарила, но нигде не нашла ни одного зазора. Ни подлезть, ни протиснуться – она в плену.

Яра отчаялась. У нее не получалось даже сесть, потому что лоб немедленно врезался в твердую железную преграду, которая находилась над ней. Чего она ни передумала за эти мгновения! Какие только кошмарные мысли не пришли ей в голову! И что она в ловушке ведьмарей, которые поставили пространственный перехватчик. Или ее оглушили и заживо похоронили в стальном гробу, а теперь где-то над ней Тилль грустно сворачивает коньячной бутылке пробочную шейку и говорит Долбушину: «Ну как твое ничего, Альберт? А мы тут с детишками елочку вчера нарядили».

Что делать? Использовать вторую нерпь и телепортировать? Но телепортировать, ничего не видя, с потерей ориентации, – самоубийство. Связаться с Улом не получалось. Кентавр, как Яра ни старалась, не срабатывал. Что-то его экранировало.

Яра закричала – и по этому звуку поняла, что смертельно напугана. Ощущение страха пришло после крика и было мерзостным. Что-то дохлое впрыснулось ей в сердце.

И тут произошло необъяснимое. Железный гроб задрожал, качнулся и поехал. Яра дернулась, в панике замахала руками, и на нее свалилась огромная, покрытая инеем коробка. Не понимая, что это, Яра боролась с ней, будто с врагом. На запястье у нее вспыхнул лев. Должно быть, не задумываясь, она коснулась его. Коробка лопнула, и на Яру хлынули ледяные слитки. Один из них больно царапнул по щеке, и Яра, ощупав, поняла, что это мороженое.

Значит, она материализовалась в грузовичке-холодильнике для перевозки продуктов, который разгружался у метро «Войковская». Яра часто встречала

такие грузовички. Их кузов разделялся на несколько секций, открывавшихся сбоку. Теперь грузовичок ехал на следующую точку. Использовать льва, чтобы взломать контейнер изнутри, Яра не стала. Во-первых, водитель не обязан платить за ее глупость, а во-вторых, металл есть металл. Лев дает силы, но не гарантирует, что, разрывая жесть, ты не рассечешь себе вену на руке. Только бы не задохнуться, но воздуха пока хватало. Вроде можно не беспокоиться.

Яра лежала на коробках и грызла мороженое. К сожалению, брикеты были твердые – зубы сломаешь. Через четверть часа фургончик стал притормаживать. Куда-то заехал, сдал задом, остановился. Яра услышала звук отодвигаемого запора. Молодой, в синем фирменном комбинезоне экспедитор увидел Яру, которая, щурясь от света, протягивала ему бумажку от мороженого.

– Сколько с меня за одну порцию?

Не без труда отделавшись от экспедитора, которого раздирали два противоречивых желания: сдать ее в милицию и пригласить на свидание, Яра огляделась. Если раньше она была у «Войковской», то теперь фургончик переместил ее к «Речному вокзалу». Люди оглядывались. На ее шныровской куртке гремел лед. Казалось, будто куртку облили водой, а потом подержали на морозе.

Она хотела связаться с Улом, чтобы успокоить его, но в глаза неожиданно прыгнули красные буквы магазина «Стольник».

– Еще один? Хотя их же целая куча! – Яра толкнула вертящуюся дверь.

И сразу в глаза бросились ящики, в которых торчали такие же, как у нее, ключи с красными бирками. Нужный ряд оказался с краю, у второго выхода из магазина, рядом со стойкой для рекламных газет.

Некоторые были закрыты, некоторые распахнуты настежь. Ящик с цифрой «62» оказался заперт. Яра подумала, что человек, положивший в него вещи, находится где-то в торговом зале. Как бы он ее здесь не застучал! Покосившись на толстого охранника, который метрах в пяти от нее вытрясал бесконечное количество чипсов из ранца у краснощекого школьника, она быстро сунула руку в карман. Достала ключ, вставила его и повернула.

Случилось невероятное: ключ подошел. В огромной Москве из десятков сетевых магазинов она нашла тот самый с первого раза! Вот и не верь после этого в чудеса.

Яра оглянулась. Охранник, вытрясавший мальчишку, да и сам мальчишка смотрели на нее. Возможно, это была реакция на ее грохочущие ледяные доспехи, но лучше не рисковать. Чем скорее она уйдет, тем лучше. Яра торопливо всунула руку в ящик и стала шарить.

Почти сразу ладонь наткнулась на что-то металлическое. Яра с ее мальчишеским рядом ассоциаций решила, что это велосипедная цепь. Нет, не цепь, а тяжелая змейка с яркими, близко посаженными глазами-камнями. Голова змейки смыкается с ее хвостом, точно она стремится пожрать саму себя. Надо же! Браслет не из дешевых, хотя и несколько мрачноватый. Яра торопливо зажала змейку в руке и быстро пошла к выходу. Кто-то догнал ее и схватил за плечо:

– Минуту! Ты уверена, что это твое?

Яра увидела грузную женщину в форменной рубашке и с рацией. Лицо... ну а чего она хотела от ее лица?.. Пианисты в консерватории, в магазине охранники. Яра мысленно застонала, что не заметила даму раньше. Ни один мужчина не отследит и пятой части того, что бросится в глаза женщине. Мужчина обратит внимание на пистолет в руке грабителя, на марку машины, а женщина – на цвет глаз в прорези маски. Или на то, что жена пришила ему нижнюю пуговицу нитками не того цвета.

– А что такое? – спросила Яра, чтобы потянуть время. – Ну да, мое! Я положила утром.

Она поняла, что совершила тактическую ошибку. Не стоило подходить к ящикам сразу, да еще в обледенелой куртке и без вещей в руках. Правильнее было зайти в магазин, купить какую-нибудь мелочь, а к ящику подойти на обратном пути, уже на выходе. А теперь, что бы она ни сказала, тетка ей не поверит: у нее глаза как буравчики. Весь мир для нее достоин тюрьмы. Она одна по эту сторону решетки.

– Утром? – недоверчиво спросила женщина с рацией. – А вот врать не надо! Ты в курсе, что тут не камера хранения? Составим акт – заплатишь штраф!

К ним подошел охранник, который отвлекся от вытряхивания чипсов из рюкзака воришки. Мальчишка воспользовался ситуацией и удрал.

– В чем дело? – спросил охранник сурово.

«Думай-думай, голова! Ну пожалуйста! Помогите мне кто-нибудь!» – мысленно взмолилась Яра и внезапно ощутила холодный укол в ладонь.

– Вы меня помните? Вы дядя Рома. Вы дежурили у нас в школе. Тут, недалеко, у «Байкала»! – сказала Яра так уверенно, будто кто-то подсказал ей эти слова.

Охранник издал горлом холостой звук. Точь-в-точь сторожевой пес, который, бросившись лаять на появившегося из-за угла человека, опознал хозяина.

– И чего теперь: в ладошки хлопать?.. Помнишь – не помнишь!.. Отпусти ее, Ир! И больше на ночь чтобы не оставлять!.. Ты не подумай, что жалко. Нам за это по шее дают! – проворчал он, отворачиваясь.

Его напарница отпустила Яру, и та быстро пошла к выходу. Уже у дверей она услышала, как женщина с рацией насмешливо обратилась к охраннику: «Дядя Рома, а дядя Рома! Отпусти тетю Иру поставить чайничек!»

На улице Яра прислонилась плечом к телефонной будке. Сверху вниз бежали нацарапанные буквы: «Гимли – ты сволочь!» «Почему Гимли? Разве это не гном? Кто может любить гнома? С другой стороны, кто мешает гному быть сволочью, особенно если его никто не любит?» – запутанно подумала Яра.

У нее кружилась голова. Вопросов больше, чем ответов. Откуда выскочили нужные слова? Она не могла знать, что охранника зовут Рома, и представления не имела, откуда в Москве взялся «Байкал». Что за «Байкал»? Кажется, есть такой кинотеатр. Первой мыслью было, что вмещалась русалка: но нет, и на ее нерпи и на нерпи Ула обе русалки сохранили полный заряд.

«Я струхнула и захотела как-то выкрутиться. Любой ценой. Вот и выкрутилась», – мрачно подумала Яра.

Прохладная змейка сквозь кожу выскользнула на ладонь, свернулась и ртом захватила кончик хвоста. Яра безошибочно ощутила, что ошейнику хотелось бы оказаться на ее шее и прильнуть к теплой бьющейся жилке.

Иди, куда я тебя поведу! Тебе будет хорошо! Иди за мной!

«Ну уж нет!» – подумала она, и по сирину на нерпи Ула вернулась в ШНыр. Материализовалась она на привычном месте – на асфальтовом круге в нескольких метрах от микроавтобуса Кузепыча. Этот круг был надежно «пристрелян» со всех точек Москвы. Шныры телепортировали сюда лет четыреста, до всякого асфальта. Ходить здесь строжайше запрещалось, а оставлять какие-либо предметы и подавно. Как-то Вовчик забыл в круге велосипед, и потом кисточкой «пони», самой маленькой, которая нашлась в канцелярском магазине, красил въездные ворота в ШНыр.

Яра провела рукой по куртке и убедилась, что во время телепортации куртка оттаяла. Обычная история, вся лишняя вода осталась на «Речном». Можно сказать, что само слово притянуло. По аллее навстречу Яре, взволнованно мерцая ушами, бежал похожий на слоненка Витяра и голосил:

– Люди, где вы, люди? Дайте мне людей!

– А разве я не людь? – поинтересовалась Яра.

Витяра остановился. Тупо посмотрел на нее. Протер глаза, посмотрел еще раз.

– От ты дуся!!! А тебя все ищут!

– Меня? Зачем?

– Думают: ты в бетон вмуровалась просто-навсего! А ты вотанная – целенькая!

Оттолкнув Витяру, Яра помчалась к ШНыру. Про змейку она не вспоминала. Та браслетом обвивала запястье и так присосалась к пульсу, что казалась продолжением руки. Потому защита ШНыра ее и пропустила.

Яра знала, что Ул сейчас ее убьет, и продумывала первые слова, которые ему скажет. От первых слов зависит многое. Лучше не оправдываться, не прыгать жалобным зайчиком, а спросить что-то ошеломляющее и не в кассу. Ну, например: «Ты не брал череп коня вещего Олега?»

– Олега? Какого Олега? – переспросит Ул.

Он всегда настораживается, когда звучит его паспортное имя. В их не до конца оформившемся мире знаков и полутонов, том мире, который существует только между ними двумя, это знак недовольства.

Глава 6

МОЛЧИТ КАК РЫБА ОБ ЛЕД

Самые большие гадости совершаются всегда из лучших побуждений. Из худших побуждений делаются максимум средние гадости.

Из дневника невернувшегося шныра

После звонка Родиона Рина не пыталась уснуть. Ей было тревожно и как-то по-особенному пакостно. Точно она долго оттирала стол, а потом кто-то протащил по нему за хвост обмазанного мазутом дохлого кота. Рине захотелось чем-то отвлечься. Она обложила подушками и, стараясь, чтобы монитор не отблескивал в окне, включила ноутбук.

Где есть лошади, там будут и мухи. Где работают мобильные телефоны, туда проползет и вездесущий паук Интернета. Рина влезла в свой профиль в социальной сети и просмотрела сообщения. Два от бывших одноклассников и одно от кого-то неизвестного. Она почти удалила его, но прежде зачерпнула глазом.

ЛИКВИДАЦИЯ КОНЮШНИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В связи со сменой собственника конюшня переоборудуется под свиноферму. 30 декабря сорок две лошади отправляются на мясокомбинат. Их можно выкупить по мясной цене.

Сейчас в конюшне находятся:

1) Молодые кобылы 4–6 лет, все с Башкирского к/з, масти разные (рыжие, вороные).

2) Русский тяжеловоз, кобыла 9 лет, должна ожеребиться через месяц, масть рыже-чалая, есть документы.

3) Годовалый жеребчик, б/п, рыжий.

4) Орловская рысачка, кобыла, масть серая, 7 лет (мать Красная Заря, отец Сумасшедший Норвежец).

5) Помесь тяжеловоз-дончак, годовичок, жеребец.

6) Дончак с документами, жеребец, 165 см в холке, 17 лет, гнедо-рыжий.

7) Русский тяжеловоз, жеребец, годится в упряжь и под седло, мягкая рысь, 14 лет, игрневый с белой проточиной.

+ Много других лошадей. Могут использоваться в прокате и на сельхозработах. Животные в запущенном состоянии, ухаживать некому.

Зоотехник Александра Леонидовна: телефон +7(9**)***-**-**

От волнения Рина сильно отогнула крышку ноутбука, и где-то пропал контакт. Ей пришлось долго качать крышку вперед-назад, прежде чем монитор вновь зажегся. Она задыхалась. Ей надо было куда-то бежать, что-то делать. Остаться в бездействии она не могла. Некий гад, толстым пальцем тыкая в кнопки калькулятора, посчитал, что лошади не приносят дохода. А если и приносят, то не такой, как свиньи. День или ночь, дождь или ветер, лето или зима – свинья ест, греет брюхо под электрическими лампами и наливаются

жиром. Так за чем дело стало? Сдадим лошадей на мясокомбинат – и да здравствует всеобщее свинство!

А сейчас, разумеется, дела заброшены. Конюхи разбежались – кому охота ухаживать за будущей колбасой? Лошади стоят голодные, нечищенные, в денниках грязь. Один зоотехник пытается что-то сделать, но что удастся в одиночку?

Рина кинулась к Кавалерии. Ночь – не ночь, какая разница! Конечно, Кавалерия ее поймет, иначе быть не может.

В комнате у Кавалерии она никогда раньше не бывала, но представляла, где это находится. В коридоре было холодно. Низом гуляли вечные сквозняки. ШНыр отапливался неважно. Кузепыч утверждал: дело тут не в батареях, а в плохо положенных плитах, но это мелочи. Через пятьдесят-шестьдесят лет все равно все снесут и перестроят. А пока Кузепыча греет мысль, что его тогда на свете уже не будет и заморачиваться придется другому.

Вот и комната Кавалерии. Рина постучала. Никакого ответа. Она постучала решительнее, и дверь вдруг подалась. На всякий случай окликнув: «Доброе утро! Это я!» – Рина вошла. Узкая, маленькая комнатка была пуста. Ничего лишнего. Небольшой шкаф. Кровать тщательно заправлена: ни одной складки на покрывале. По центру стола – банка из-под оливок, полная карандашей. Тут же рядом и железная коробка с пастелью. Бумаги, правда, не видно.

«Неужели она рисует?» – подумала Рина.

Единственной вещью, не имевшей отношения к ШНыру, была черно-белая фотография в рамке. Мужчина держал на плечах мальчика и улыбался. Хорошо улыбался: и губами, и глазами, и морщинками у глаз. Мальчик таращился и был серьезен.

Ни к чему не притрагиваясь, Рина осторожно подалась назад, вышла из комнаты и притворила за собой дверь.

На улице было морозно. Снеговик, вылепленный с вечера Рузей, стоял перед окнами у Насты. В его правой руке-ветке тоскливо обвисал лопнувший шар. Скорее всего, простреленный из шнеппера той же Настой. Рядом притулился

продавленный стул. На деревянной спинке кто-то издевательски написал помадой:

Вчера на этом самом месте Рузя толстенный сидел

И неподвижно, страстно, нежно на Насточку свою глядел.

Рина пошла искать Кавалерию по большому кругу, через площадку у ворот. После недавнего снегопада серые пятна на бортах микроавтобуса проступили совсем отчетливо. К грязи Кузепыч относился философски: утверждал, что зимой мыть машину опаснее, чем не мыть. У него целая теория существовала, что старая грязь охраняет от новой, служа защитным слоем.

Кавалерию Рина нашла в пегасне. Ветер качал вставленный в кольцо керосиновый фонарь, которым иногда по старой памяти еще пользовались. Кавалерия седлала Цезаря для нырка. В соседнем проходе Кузепыч, не то вставший рано, не то вообще не ложившийся, ремонтировал раздвижную дверь в денник Митридата. Дверь была новая, но у нее уже сформировалась нехорошая привычка падать наружу.

Рина подбежала к Кавалерии и, стараясь быть подробной, рассказала о лошадях, которых сдадут на мясо.

– Ноут у меня в ШНыре! Я сейчас! – Рина повернулась, готовая мчаться за телефоном зоотехника. Она была убеждена, что Кавалерия будет звонить прямо сейчас, не дожидаясь рассвета.

– Тпрру! – окликнула ее Кавалерия.

Рина остановилась.

– Мне не нужен телефон.

– А когда? – не понимая, спросила Рина. – Утром? После нырка?

Кавалерия перестала разбирать на ладони ремни уздечки. По тому, как она опустила руку, Рина поняла, что разговор предстоит неприятный.

– Просто для полной ясности. Мы не можем взять этих лошадей в ШНыр. Даже если найдем деньги, чтобы выкупить, – не можем, – осторожно подбирая слова, сказала Кавалерия.

– Почему?

– Причин несколько. Первая: нам негде их поставить.

– У нас десять свободных денников! Ну девять! – навскидку брякнула Рина.

– Они для жеребят, которые рождаются. Или для тех пегов, которых выращивают на нашей базе на Дону!

– Но можно же что-то построить! Хотя бы наспех! До весны, а там будет проще.

– Сорок две лошади, – задумчиво повторила Кавалерия. – Сорок две. Нам не потянуть. Мы не должны расплытаться. Наша задача – нырять и готовить смену тем нырятьщикам, которые придут на смену погибшим. ШНыр существует, пока кто-то ныряет и достает закладки. Иначе все утратит смысл. Проход на двушку закроется, а наш мир сольется с болотом.

Рина задохнулась. Она не верила, что слышит это от Кавалерии, которая всегда служила ей примером. С нее она лепила себя. Теперь же все рушилось.

– И одного жеребенка нельзя? Годовичка?

Кавалерия медлила отвечать, внимательно глядя на нее. В глазах у нее дрожало нечто неопределимое.

– Потому что у него крыльев нет, да? Потому что он не летающий? Потому что проще найти уважительную причину, чем что-то сделать? Да? Скажите «да»! Тогда я сама скажу: да-да-да!

Рина врезалась плечом в загудевшие ворота и вырвалась из пегасни. За спиной обрушился ее мир.

Кавалерия стояла, слушая гул вибрирующих ворот. Затем рывком вскинула тяжелое седло на спину нетерпеливо переступавшего Цезаря и затянула подпруги.

- Кузепыч, скажи мне что-нибудь гадкое! Или лучше сделай! - попросила она.

Завхоз, он же «герр комендант», моргнул белесыми ресницами. За все годы, что он провел в ШНыре, это была самая странная просьба, которую он выслушивал от начальства.

- Зачем?

- Для отрезвления... Если я увижу эти сорок лошадей - я их возьму. И всех больных собак, которых натаскает Наста, и сдыхающего осла из Теплого Стана, с которым фотографируют детей у метро. Но во что тогда превратится ШНыр?

- Колька бы понял. А она - нет. Зеленая еще... - отозвался Кузепыч.

Кавалерия всхлипнула. Это был странный, незнакомый, совсем не ожидаемый от нее звук.

- Когда он ушел, я полгода спала с его свитером. Обниму его и лежу с ним, как медвежонок со шкурой матери...

Кузепыч плоскогубцами почесал нос. На носу осталась черная полоса смазки.

- Ну это... хм... того... что я, не помню, что ли, как ты убивалась! - смущенно пробасил он. - Напрасно ты не сказала ей, что мы все равно пристроили бы лошадей. Пусть не к нам, пусть куда-то. Не бросили бы, грустный пень! Мало ли бывших шныров, сохранивших любовь к коням. А есть у них крылья, нету - это уж дело четвертое.

Кавалерия упрямо дернула головой.

- Я думала: сама догадается, что не бросим. Но мне хотелось ее охладить: не переносу всю эту самонакрутку в духе оскорбленного благородства... А потом рассердилась, как кричать начала! Если человеку хочется быть обиженным на

весь мир, он обычно других не слушает... Ладно, счастливо, Кузепыч! Пора мне!.. И не надо больше никаких слов, а то в болоте застряну.

Кузепыч понимающе кивнул. Он смотрел, как Кавалерия готовится к нырку. Поверх шныровской куртки она натянула светлый овечий тулуп и из худенькой женщины превратилась в плотную кубышку. Из-под поднятого ворота торчали белый нос и два островка щек.

Цезарь тревожно покосился на непонятное существо, но запах тулупа был ему знаком – и он успокоился. Кавалерия вывела его из пегасни. Было слышно, как копыта проскальзывают по луже, превратившейся в каток. Проехав на Цезаре несколько кругов и немного прогрев его, Кавалерия решительно подняла коня на крыло.

По мнению большинства шныров, Цезарь был жеребец глуповатый. Он не нюхал цветы, как Аза, и не ржал тревожно, как Икар, задирая к небу ищущую полета морду. Его интересовали исключительно кобылы и возможность посамоутвердиться. Конечно, не со Зверем, которого он боялся патологически. Однако когда в седле Цезаря оказывалась Кавалерия, жеребец умнел, становился послушным и пластичным.

Рассвет был зимний, бессолнечный. Казалось, за тучами незаметно включают тусклые лампы. Облака, фиолетовые, свалывшиеся, как старые одеяла, жались к земле. Со ста шагов ничего не увидишь. Кузепыч вернулся в пегасню и продолжил ремонтировать раздвижную дверь в денник Митридата.

Однако работа не клеилась. Какая-то мысль не давала ему покоя. Кузепыч достал допотопный мобильник, служивший предметом издевательства большинства средних шныров, и толстым пальцем потыкал кнопки. Ответили ему не сразу.

– Кузепыч?! Знаешь, который сейчас час? – голос был заспанный, но сохранявший начальственность.

Кузепыча эта начальственность ничуть не смущала.

– Ранний... – просопел он. – Наведи для меня справки!.. Кто во Владимирской области отправляет на бойню сорок две лошади? Чья эта блестящая идея,

сморкучий пень?

«Здрасте», «до свидания» и «спасибо» Кузепыч не говорил. Это как минимум сэкономило всякий раз три слова. Где-то там, в ночи, напряженно искали карандаш.

- А конкретнее? Район, название хозяйства? Да у нас любая область – с европейское государство!

- Если б я все знал – ты бы спал, – кратко ответил Кузепыч.

Человек в телефоне хмыкнул. Он ценил откровенность.

- Порядок в танковых войсках! Найдем!

- Ты уж поищи, грустный пень! Очень прошу, поищи!

Кузепыч спустил допотопный мобильник в карман и вновь занялся дверью. Человек с начальственным голосом перезвонил через пятнадцать минут. Кузепыч быстро что-то записал.

- Так я и думал. Мир тесен! Как добрые люди, так, грустный пень, вечно одни и те же... – проворчал он.

- Помощь нужна? – забеспокоился «порядок в танковых войсках».

- Не-а. Сами разберемся!

Кузепыч дал отбой. Потом, позванивая ключами, открыл стоящий в углу громоздкий сейф, который беспокойные руки юных шныров давно обклеили вкладышами из жвачки.

В сейфе обнаружили бейсбольная бита и обрез серьезного карабина с переделанной рукоятью. Шнепперы Кузепыч не уважал. Равно как и телепортации.

Через кентавра он связался со ШНыром и с кем-то коротко переговорил. Через десять минут в пегасне появилась хмурая девица Штопочка и, ни слова не говоря, стала седлать громадного Зверя. Подпруги она затягивала так, будто хотела порвать жеребца надвое. Зверь полез было с зубами, но получил по храпу так, что осел на задние ноги.

– Зин, ну ты аккуратнее! Животная все-таки! – сказал Кузепыч с укором.

Девица Штопочка молча плюнула на бетон окурок «Беломора». Вместо ремня ее куртку несколько раз опоясывал длиннейший бич.

Сам Кузепыч выбрал Бинта.

– Давненько я не летывал... а то все машина, машина... – сообщил он Бинту, подходя к нему с седлом.

Ковыряя мизинцем в зубах, девица Штопочка наблюдала, как завхоз старательно седлает мерина.

– Это табуретка. С нее даже свалиться нельзя! – сказала она презрительно.

– Ну и замечательно. Ты не представляешь, как меня обрадовала, грустный пень! – обрадовался Кузепыч.

* * *

Выбежав из пегасни, Рина помчалась в сторону, противоположную ШНыру. Неслась по сугробам напролом, временами проваливаясь по колена. В ботинках хлюпал снег. Как ни хороши неубиваемые берцы, все же это не охотничьи сапоги. Небо оставалось темным, но снег уже подсвечивался изнутри. Он был голубоватый, с отдельными темными островками.

Куда она несется, Рина не задумывалась. Мысль была одна: подальше от ШНыра, от этого мерзкого места, где все притворяются добренькими, а на деле врут, врут, врут... Добежав до ограды, Рина перевалилась на другую сторону. В сугроб упала лицом, руками зачерпнув снега по самый локоть. Снег растекался по шее, отдельными ручейками просачиваясь к позвоночнику. Это охладило ее пыл.

Рина сидела на корточках и дышала на озябшие ладони. Перчатки она, разумеется, забыла, а мороз стоял крепкий.

Впереди темнел знакомый пень. Рина узнала место. Если отсюда по глубокому снегу спуститься в овраг, то на дне будет ведущая к Копытову «пьяная дорога». «Пьяной» она называется потому, что летом, в сухую погоду, по ней срезают выпившие водители, не рискующие проезжать мимо поста ДПС.

Сейчас дорога заметена, но по ней можно добраться до роши, где на отвернутом от Копытова лесистом склоне холма стоит строительный вагончик. Он так тщательно запрятан и окопан землей, что увидеть его можно с единственной точки. Притащили его, используя львов, Ул, Сашка и Афанасий, а маскировать помогали Макс и Кузепыч, участие которого придало вагончику не то чтобы официальность, но некую легальность.

В вагончике, согреваемый железной печкой, долго сохраняющей тепло, проживает террорист. В ШНыр и вообще в приличное общество вход ему заказан. Имя террориста Гавр.

Когда по обледеневшему склону Рина добралась до вагончика, было почти светло. Гавр, для которого понятия «день» и «ночь» были глубокой абстракцией, услышал ее издали и царапал дверь изнутри. Рина дернула ручку на себя и сразу, зная, что сейчас произойдет, животом бросилась на пол вагончика. И вовремя. Пытаясь облизать ей зловонным языком щеки, над ней пронеслась огромная туша. Не успела затормозить, зацепила Рину задними лапами и кубарем прокатилась по склону. То ли Гавр не учился на ошибках, то ли ему нравился сам процесс, но процесс повторялся раз за разом. Не успевай Рина уклоняться, она кувыркалась бы вместе с ним.

Гавр примчался секунд через тридцать – хлопая крыльями, как курица, весь в снегу, запыхавшийся и довольный. Высунув язык, он пытался добраться до Рины, которая, зная его привычки, укрылась между печкой и стеной. Выступы у печки были острые, и Гавру непросто было просунуть морду.

За осень Гавр отъелся и стал с молодого льва. Причем размеры следовало умножить на сплошной восторг и вагон глупости. Соразмерять силы он не умел. Гавру казалось, что сбросить человека с откоса и напрыгнуть сверху – забавная шутка. Такая же забавная, как прихватить зубами шею, не прокусывая ее, и

оторвать хозяина на полметра от земли. Или смотаться ночью на ферму под Зырянку (всего-то сорок километров напрямую), насмерть перепугать нетрезвого сторожа, разрыть скотомогильник и прилететь утром довольным жизнью, пахнувшим негашеной известью и с коровьей головой в зубах.

Отсидевшись в щели между ребристым боком печки и стеной, Рина обшаривала карманы, отыскивая Обезьяна. Неужели потеряла в снегу? Обливаясь холодным потом, нашла его завалившимся за подкладку. Дешевая пластмассовая игрушка, но Рина не променяла бы ее на слиток золота.

– Я очень находчивая сегодня! Целый день что-то теряю, а потом нахожу, – объяснила она Гавру.

Между досок забился большой сухарь. Рина вытащила его. Осмотрела. Плесень была с одной стороны. Рина отскоблила ее и сунула сухарь в рот, представляя, как микробы в панике пакуют вещички и сматываются.

– Обьедаю Гавра! Докатилась! – вздохнула она.

Симулируя напряженную работу мысли, Гавр свесил морду набок и капнул слюной. Убедившись, что он не собирается калечить ее своими восторгами, Рина выбралась из укрытия.

– У нас дела! Ты готов? – спросила она, наклоняясь за седлом.

Седло для гиел всегда поражало Рину легкостью. Оно весило втрое меньше конского, но размерами почти ему не уступало. Каркас и слой кожи. Зато стремяна тяжелее конских. Массивные, литые, с шипами наружу, которые можно использовать как шпоры. Шипы, по просьбе Риной, напильником счесал Сашка: Рина представить себе не могла, что захочет вогнать их в бока Гавра.

Обнаружив, что Рина взяла седло, Гавр сообразил, что предстоит полет. От восторга он завертелся на месте, и ей опять пришлось укрываться за печкой. Молодые гиелы как дети – никакого соображения. Хочешь на улицу, так постой минуту на месте, пока тебя застегнут.

Наконец Гавр был оседлан. Прежде чем взлететь, Рина засучила рукав. Гепард на укороченной нерпи был покрыт изморозью. Согревая, она подышала на него и потерла другим рукавом. Гепард засиял. Рина запрыгнула в седло, поймала дерганный ритм мыслей Гавра и принялась художественно бредить, создавая образы. На юг летела стайка котлет, предводительствуемых безголовой курицей-гриль. «Гавр нас не поймает! Гавр – бестолочь!» – вопили котлеты и, издеваясь, поворачивались жирненькими боками. Курица-гриль хлопала коротенькими крылышками и в полете садилась на шпагат.

Рина сама была голодна – образы выходили убедительные. А что до логики – кто сказал, что она нужна гиеле? Гавр заскулил от нетерпения и рванул. Рина чудом усидела в седле, вцепившись в переднюю луку.

– Теперь кто бы мне объяснил: в какую сторону Владимирская область? – проворчала Рина.

Правда, Владимирская область была вторым пунктом ее следования. Прежде Рина собиралась навестить родник Царевна-лебедь. Чтобы проникнуть в конюшню, которую она представляла себе закрытой, ей нужна была соответствующая закладка.

Рина натянула на лицо колючий шарф.

Глава 7

СЕРДИТЫЙ СОБСТВЕННИК С ДОБРОЙ УЛЫБКОЙ

Странная штука, грустный пень! Чужие обязанности все почему-то с первого раза запоминают, а свои редко когда с десятого.

Кузепыч

Москва со спины гиелы и Москва, которую топчешь ножками, – два абсолютно разных города. Рина и раньше об этом догадывалась, но окончательно уверилась, когда, летая в серых облаках вокруг Химкинского водохранилища,

искала точку «Запад». Снизу город представляется правильным или хотя бы стремящимся к логике, и лишь сверху видишь, что это нагромождение косо стоящих зданий, путаных улиц, заводских территорий, бесконечных крыш и забитых машинами дворов. Даже у водохранилища, где, по идее, любое строительство запрещено, бардак страшный. Лишь девятое по счету кирпичное строение оказалось тем, что она искала.

Не подумав, Рина направила Гавра через бетонную ограду и крайне удивилась, когда Гавр налетел на незримую преграду и кувыркнулся в сугроб. Преграда существовала только для гиелы. Сама Рина от резкого толчка вылетела из седла и, перелетев забор, распласталась на снегу.

Долго она лежала неподвижно, не решаясь шевельнуться. Она не забыла, что Кузепыч рассказывал о ловушках первошныров. Попадешь в одну из них, и все. До дорожки шагов пять. Рина осторожно двинулась вперед.

«Проскочу! Тут близко!» – успокаивала она себя.

Рина проползла, как ей показалось, метров пятьдесят, а дорожка не стала ближе. Напротив, отдалилась.

«Все ясно! – подумала Рина. – Та же штука, что с забором в ШНыре. Надо в противоположную сторону!»

Она повернулась и поползла. Через несколько минут, когда она так замерзла, что не смогла бы сжать руку в кулак, Рина снова обернулась. Дорожка вообще исчезла. Вместо этого справа вынырнула заброшенная собачья будка, в которую какой-то шутник – Рина уверена была, что Ул, потому что это был его почерк, – засунул плюшевую собаку и приковал ее цепью.

Рина зарычала на плюшевую собаку, встала и пошла зигзагами, наудачу, надеясь выйти если не к дорожке, то хоть куда-то. Шарф, закрывавший лицо, обледенел. Со стороны казалось, что у Рины выросла борода. Каменный сарай оказывался то справа, то слева. Но ближе он не становился – это точно.

Неожиданно Рина вновь оказалась у бетонного забора. Точка «Запад» давала ей шанс убраться подобиру-поздорову.

– Гавр, ты цел? – крикнула Рина в щель между бетонными плитами.

Ворчание с другой стороны забора, прыжки и царапающие звуки доказали, что Гавр не только жив, но и: а) здоров; б) растерян; в) скучает.

Просунув в щель руку с нерпью, Рина позволила Гавру коснуться ее мордой и тотчас создала продвинутый глюк: двадцать здоровенных взрослых гиел, реющих в воздухе. Очень голодных. Зашкаливающе сердитых. Ищущих Гавра для более близкого знакомства. Задирая морду, Гавр стал поспешно зарываться в снег. Через полминуты Гавра смогла бы найти только сама Рина, да и то не сразу.

Рина стояла у забора и держалась за него, боясь отпустить. Отпустишь, а потом, возможно, еще три часа к нему не подойдешь. Так и станешь вечно болтаться между будкой и штабелем с досками. Внезапно безо всякой связи Рине вспомнилась странная фраза Кузепыча: «Некоторые вообще зайчиками прыгают!»

Тогда она приняла ее за неудавшуюся шутку, а теперь...

Рина торопливо запрыгала к крыльцу. Зайчиком. Это оказалось непросто из-за глубокого снега. Восемь прыжков, десять. Выдирая ноги из сугробов, Рина сбилась с дыхания, но главное не в этом! Крыльцо определенно приближалось! Несколько прыжков, и она достигла каменного сарая. Как элементарно! Но ведь сама-то не додумалась!

Ключ лежал под ступенькой. Хозяйственность Кузепыча проявилась и тут: ключ прятался от ржавчины в закрытой банке, завернутый в промасленную тряпочку. На выключатель, чтобы не отсырел, была нахлобучена разрезанная пластиковая бутылка.

Не тратя времени попусту, Рина поменяла свою шныровскую куртку на сухую, отыскала башлык, шерстяные носки, перчатки, компас и подробную карту-километровку. Ножом вскрыла банку холодной тушенки. Ела она тоже ножом, хотя знала, что, окажись рядом Мамася, лекция на тему: «Как едят психически здоровые люди» была бы обеспечена.

Когда на донышке остался только белый, желеино дрожащий жир, Рина позвонила зоотехнику Александре Леонидовне. По телефону Рина обычно говорила осмысленно и производила на собеседника впечатление более вменяемого человека, чем была на самом деле. Ну это, конечно, если не видеть, что в паузах, пока ей отвечают, она облизывает нож, пытаясь достать языком провалившийся внутрь рукоятки кусок тушенки. Узнав адрес, Рина взяла из ящичка закладку. Рука ее дрогнула, когда она увидела под закладкой толстый слой пыли. Сколько же ее не выносили отсюда и даже просто не вынимали из ящичка!

«И ведь не в сейфе лежит! Любой шныр может прийти и взять», – подумала Рина.

Тут, как и в других делах шныров, на первый план проступало абсолютное доверие. Даже, как часто казалось Рине, избыточное и опасное доверие. Вроде как с Адамом и Евой. Зачем яблоко в раю висело в свободном доступе? Небольшая решеточка вокруг дерева с пропущенным током, минимальные меры предосторожности, и человек до сих пор сидел бы в раю. Но ведь это было бы уже совсем не то.

Рина сдула с закладки пыль.

«Ничего... Верну еще сегодня!.. Подумаешь!» – успокоила она свою зачесавшуюся совесть. Разумеется, Рина прекрасно понимала, что выносить закладку нельзя. Этим она оставляет пункт без прикрытия и нарушает уникальность шныровской защиты, выстроенной за несколько столетий до ее рождения.

Никакому современному шныру такую закладку в наш мир не внести. Силенки не те... Кажется, так говорил Кузепыч.

«А как я иначе открою двери?.. Ну хорошо, двери можно и русалкой. Тут проехали, не оправдание. Но едва ли лошади одни. Почти наверняка кого-нибудь встречу. И как я без закладки смогу убедить сторожа или хозяина конюшни отдать мне лошадей?» – подумала Рина, вспоминая, как Макар с Кирюшей давились мелочью, а Сашка чуть слюни не пускал, что с ним не поделились.

Она не сомневалась, что пока ее рука на закладке, новый собственник конюшни будет пламенеть любовью к лошадям. Но стоит ей убрать руку, как лошади из его глаз исчезнут. А вытеснят их свинки, надежно нахрюкивающие килограммо-рубли.

Тревожная мысль остановила ее на пороге. Мощи закладки хватило, чтобы не пустить Гавра за бетонную ограду. Сможет ли Гавр перевозить закладку на себе? Рина в замешательстве огляделась и обнаружила старый чемодан, покрытый толстым слоем пыли. Внутри чемодан был обит жестью и выложен слоем фольги. Положив в него закладку, Рина закрыла его.

Гавр лежал в сугробе. Увидев Рину, он подскочил метра на три: ей даже показалось, будто снег взорвался. Мокрый нос ткнулся Рине в губы и обиженно отпрянул. Казалось, Гавр шокирован и пытается сказать: «Гром и молния! Она ела тушенку! Она, эта несчастная хозяйка, а не я!!!»

– Да помню я о тебе! Держи! – Рина вытряхивала на снег содержимое захваченной с собой банки. Гавр проглотил тушенку вместе со снегом и жадно вылизал землю на полметра вокруг.

Рина забралась в седло и пристроила чемодан на коленях. Видимо, закладка обретала полную силу внутри охранного круга первошныров, потому что для Гавра чемодана не существовало – пустая банка из-под тушенки гораздо интереснее. Вскоре Рина мчалась метрах в ста над шоссе. То, что у нее географический кретинизм, Рина просекла давно, поэтому до Владимира решила добраться вдоль автомобильных дорог – как на машине, только быстрее и без пробок.

Снега и шоссе. Шоссе и снега. И ветер. Пару раз Рина все же сбивалась, потому что дороги внизу начинали непредсказуемо ветвиться, причем значительно чаще, чем это отражала карта. Часа через два вконец замерзшая Рина увидела впереди город. Начинаясь он постепенно, с отдельных застроенных островков, и густел к центру.

Рина снизилась. У центрального вокзала (определила по путям и вагонам) увидела длинную перетяжку: «Дорогие владимирцы! Вместе встретим Новый год!» – и представила огромный, на треть города стол и одинокую Суповну, которая бегает туда-сюда с кастрюлями.

Теперь нужно искать конюшню. У Рины имелся неплохой ориентир – тридцать километров от Владимира и два километра от трассы. Туда она и направилась. Остальное Гавр сделал сам. Он во что-то всмотрелся и, вытянув шею, устремился к длинному одноэтажному строению с железной крышей, рядом с которым было огороженное и истоптанное поле. По полю бродила непривязанная кобыла с жеребенком. Жеребенком Гавр и заинтересовался.

Рина поспешно коснулась его шеи гепардом и стала искать аргументы, которые выглядели бы убедительно для гиелы.

– Ты не должен его трогать! Он... несъедобный! И вообще маленький! И невареный... и... да сказано тебе: «Нельзя!» Не суйся!

Гавр продолжал целеустремленно лететь к жеребенку. Он был близко, когда Рине удалось создать убедительный образ: три орущих Макса с вилами. Гавр не сразу включился, откуда взялись Максы, да еще в таком количестве, но все же нападать благоразумно раздумал и сел на краю выгона, ближе к конюшне. Рина заметила, что он то и дело оглядывается на ворота и рычит, складками собирая кожу на морде. Это ее удивило.

– Жди меня! – велела она Гавру и пошла к помещению.

Ворота были закрыты, но сбоку отыскалась небольшая дверь, через которую конюхи ходят сами и выводят лошадей, когда у них нет желания возиться с воротами, выстуживая помещение.

Прислушалась. Да, лошади тут. Сомнений нет. А вот на месте ли сторож? Доставая из чемоданчика закладку, Рина внезапно осознала, что цель у нее размытая. Точнее, вообще нет цели. Выпустить лошадей из конюшни – это да. Но как она одна сможет угнать огромный табун, что будет с ним делать и куда потом его денет, она понятия не имела.

Рина коснулась двери закладкой. Напряглась, ожидая искр или вспышки, но окованная железом дверь уступила ее руке, точно была голограммой. Правда, пропустила она только руку. Лоб Рины и ее плечо остались с внешней стороны. Сил протиснуться у Рины не было, хотя она и ощущала, что дверь не совсем затвердела.

«И что дальше? Как я ее открою?» – растерялась Рина, бестолково шаря в воздухе.

Чьи-то пальцы цепко сгребли ее за запястье. И вопрос, что делать дальше, решил сам собой. Понимая, что если закладку сейчас отнимут, то дверь мгновенно отвердеет и она останется без руки, Рина вцепилась в камень мертвой хваткой. Кто-то выкручивал Рине руку, ногтями раздирая кожу, а потом ее грубо продернули внутрь. Рина ощутила холодную липкость расступившегося металла.

Она лежала на грязной соломе вниз лицом. Потом рывком села. Закладка валялась у двери. Рина уронила ее во время падения. Нерпи на руке больше не было. Ее сдернули, бесцеремонно обрезав шнуровку. Укороченная нерпь перекочевала к Младе, чьи длинные ногти оставили след и на руке. В конюшне горело несколько электрических ламп. В полутьме покачивались лошадиные морды.

Рядом с Младой Рина разглядела Владу и Белдо. Дионисий Тигранович был укутан, как маленький мальчик: в перчатках, шапочке, двух курточках и с шарфиком. Птах сидел на перевернутом ведре, поблескивая золотой серьгой в ухе. Его красное, будто испеченное лицо говорило, что, поскольку руля поблизости нет, лично он ни во что вмешиваться не собирается.

– Именно та курочка, которую мы ждали! Было послано всего одно письмо – и идеально попало в цель. Самый адресный спам в мире! Ну разве я не гений? И ведь никто, никто не признает! – довольно кудахтал Белдо.

Рина стала шарить глазами, вспоминая, где у нее шнеппер, и сообразила: в рюкзаке. Рюкзак остался снаружи, рядом с пустым чемоданом. Дионисий Тигранович забрал у Млады укороченную нерпь и умиленно зацокал языком, разглядывая гепарда.

– Ах-ах-ах! Какая редкостная удача! Ах-а-ах! Не совсем, значит, я прогневил небеса! Младочка, Владочка, полюбуйтесь, какое чудо!

Рина бросилась на Белдо, но ее перехватили Млада и Влада, сильные, как две ведьмы. Впрочем, почему «как»? Все, что Рина смогла, пнуть одну из них по голени тяжелым ботинком. Влада взвыла, запрыгала на нетронутой ноге и,

шипя, кольнула Рину каблуком-шпилькой. Однако тяжелые ботинки всегда дадут шпилькам фору, и Влада убедилась в этом уже после второго удара.

Видя, что поединок затягивается, Белдо обернулся и негромко окликнул кого-то.

Сквозь низенькую дверь, ведущую в служебные помещения конюшни, вошел Тилль. Его сопровождали два берсерка и красавец юноша Евгений Гамов. Млада и Влада отскочили, перепоручая Рину берсеркам. Тех пинать бесполезно. Рина перестала лягаться, чтобы ей не проломили топориком череп. На джентльменское отношение к пленным надеяться было глупо. Ул утверждал, что у берсерков на весь коллектив один гуманизм, да и тот они давно променяли на псиос.

– Младочка, Владочка! Я вам не говорил? А вот и новый собственник земли! – с умилением представил Дионисий Тигранович.

Тилль с интересом уставился на Рину. Складка кожи на жирном лбу сомкнулась и сразу разгладилась.

– О! Мир тесен? – удивленно произнес он.

– Мир не тесен. Это ты слишком широк, Ингвар!.. – хватая его за руку, торопливо залепетал Белдо. На старческих губах взрывались младенческие пузыри.

Тилль понимающе ухмыльнулся.

– Где нерпь?

Дионисий Тигранович уклончиво заулыбался. Нерпь он еще раньше сунул Птаху.

– Да что там нерпь? Сколько у нас этих нерпей! Взгляни-ка лучше на закладку! – сказал он самым естественным голосом.

Тилль кивнул одному из берсерков – невысокому крепышу с залысинами. Тот взял закладку сперва щипцами, а потом, немного посомневавшись, голой рукой. И – ровным счетом ничего не произошло. Бахвалясь, берсерк подбросил закладку на ладони. Рина смотрела на него, затаив дыхание. Если бы ее не держали, она

бросилась бы на берсерка в тщетной надежде отобрать у него закладку.

Как он сумел это сделать? Нет, понятно, что он берсерк, а берсерков эли не опекают. Кровь не идет у них из ушей при приближении к зарядной закладке, как это случилось бы с любым из форта магов. Но все же? Ведь на точку «Запад» ни один ведьмарь не мог проникнуть? Так? Однако Гавр тоже нес закладку на спине и остался цел.

Последние сомнения отпали. Закладка обретала охранную силу только на территории точки «Запад». А она, Рина, вынесла ее оттуда! Нарушила уникальность защиты ШНыра! Открыла ведьмарям доступ к периметру, охраняемому четырьмя точками.

Она ощутила себя мерзко. Так мерзко, что если бы можно было отмотать время назад для того только, чтобы дать самой себе в лоб, она бы это, не раздумывая, сделала.

– Проверь ее! – велел Тилль.

Берсерк просунул руку с закладкой сквозь стену. Рина услышала его восхищенный выдох.

– Любой сейф теперь наш!

Тилль молча забрал у него закладку. Рина подумала, что «наш» можно смело заменить на «мой». И еще почувствовала, что Евгений Гамов внимательно смотрит на нее, покусывая соломинку. Черные кудри шевелились от сквозняка. Закладка его не интересовала.

Тилль, переглянувшись с Белдо, достал телефон и отошел к воротам. Самого разговора Рина не слышала, только отдельные слова. Потом вернулся к Белдо.

– Командировка закончилась. Нас ждут в Москве, – сообщил он, прикусывая крупными зубами сигарету.

– А ее? Берем с собой? – Дионисий Тигранович посмотрел на Рину.

Тилль мотнул головой:

– А зачем? Она больше не нужна... Вы двое! Когда мы уедем... э-э... уберете девчонку.

Тилль умел подбирать кадры. Крепыш с залысынами деловито кивнул. Другой берсерк, гигант с глуповатым лицом, осклабился.

– А что делать с конюшней? – спросил крепыш у Белдо.

Дионисий Тигранович кокетливо махнул ручкой:

– А я откуда знаю? Это пусть владелец решает. Он же тут вроде свинок хотел разводить.

Судьбу конюшни Тилль решал дольше, чем судьбу Рины. Все-таки в нее были вложены деньги. Рина же досталась им бесплатно.

– Конюшня застрахована. Поджигай!

– И лошадей? – уточнил крепыш.

– Лошади тоже застрахованы, – владелец уже шел к выходу.

За ним гуськом последовали Млада, Влада и водитель Птах. Белдо немного замешкался, посмотрел на Евгения Гамова и коснулся его плечика тонкими пальчиками.

– Женечка! Я тебя умоляю: проследи, чтобы ей было небольно! Ведь все-таки девушка. Живой человек! – попросил он, точно об одолжении, и, ойкая, торопливо убежал.

Евгений Гамов выплюнул соломинку. Вскоре Рина услышала звук работающих моторов. Прежде машины были укрыты под летним навесом для кормов, поэтому Рина и не заметила их сверху.

Громадный берсерк подтолкнул Рину.

– Ну пошли, что ли... Чего тут пачкать? – сказал он с жалостливой брезгливостью.

Рина смертельно устала, замерзла, шарф обледенел. Чувства выцвели и съежились. Ей хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Бежать было бесполезно.

Ее вывели через боковую дверь. Первым шагал дурковатый берсерк, тащивший Рину за шарф, как за поводок. За ним – крепыш с залысинами. Евгений Гамов замыкал, разглядывая ногти. Казалось, его крайне волнует их чистота. А вот то, что Рине сейчас проломают голову, тревожило явно меньше.

Шагов через двадцать они остановились. Выглянувшее солнце сверкало на железной крыше. Сияло ярко – больно смотреть. Все утро небо было хмурое, а тут вдруг распогодилось.

Берсерки переминались с ноги на ногу, решая, кто будет убивать Рину.

Гамов перестал разглядывать ногти и озаботился шерстяной шапочкой. Надел ее, поправил, убрал внутрь непослушную прядь. И правда, когда у тебя такие кудри, волосы надо беречь. А то отморозишь волосяные луковицы и на следующую фотосессию явишься лысый, как коленка.

– Ты гаденыш! – выкрикнула Рина в смуглое лицо Гамову. – Тоже мне, нашелся принц красоты! Петрарку переводит, паркур занимается, на скрипочке пиликает!

Гамов вздрогнул и внимательно посмотрел на Рину. Казалось, он пытается понять, когда и где она смогла узнать о нем так много. Тогда, на Болотной площади, она была под мороком. Впрочем, присутствовало во взгляде его и что-то еще, не совсем понятное Рине. Загадка.

– Ты пустое место, понял? Ничтожество! За дозу псиоса всех удавишь! – снова крикнула Рина.

Евгений горестно кивнул, признавая справедливость упреков. Потом протянул руку и пальцем в трех местах легко коснулся груди громадного берсерка. Казалось, он робко пытается обратить на себя внимание. После первого тычка берсерк недоуменно хохотнул, после второго стал багроветь, а после третьего глаза у него выпучились. Пытаясь зачерпнуть легкими воздухом, он схватил себя левой рукой за горло и, уже не багровея, а синея, опрокинулся назад. Рина повалилась с ним вместе, потому что шарф он так и не выпустил.

Крепыш с залысынами отскочил и выхватил из-под куртки топор. Сразу стало ясно, что он мастер. Когда топором работает дилетант, за каждым ударом всегда следует остановка, а потом новый замах. Крепыш же работал вообще без провалов.

Гамов пятился, не находя возможности для атаки. Берсерк теснил его к стене конюшни. Там у Гамова не осталось бы маневра для отступления, и его легко было бы достать.

– Что, парень? Седла не хватает? Говорят, ты первый в пилотаже?.. – крикнул крепыш и прыгнул вперед.

Гамов едва уклонился от топора, скользнувшего у него над головой.

– Аль! – крикнул он и, вскинув руку, растопырил пальцы.

Берсерк ухмыльнулся. Неужели мальчик надеется ручкой защитить череп? А не будет бо-бо? Топорик он, знаешь ли, железненький! За спиной послышался странный звук. Берсерк стал недоверчиво поворачиваться, но опоздал.

Гиела-альбинос, с розовыми крыльями, пульсирующими жилками, спрыгнула с чердака конюшни, где пряталась до того, и лапой сломала берсерку шею. Мгновенно, без лишних движений. Рина и не подозревала, что гиелы могут атаковать вот так – без рычания и предупреждения.

Потом так же беззвучно гиела метнулась к Рине. Явно не для того, чтобы отогреть своим дыханием. Рина увидела, что губы у гиелы черные, а кожа на груди желтоватая. Сверху вниз пробегают две редкие струйки шерсти. Надо же, а со стороны гиела кажется совсем голой!

Рина завизжала.

– Назад! Не трогать! – Гамов сжал пальцы и отвел руку в сторону.

Альбинос перешагнул через Рину, не коснувшись ее, повернулся, опустился на задние лапы и замер как изваяние.

– Молодец, Аль! – Гамов сунул руку в карман и бросил гиеле остро пахнущий кусок прикормки. Аль поймал на лету.

Рина дергала шарф, пытаясь освободить его из руки гиганта. Потом торопливо отползла на четвереньках, задержавшись, чтобы вытянуть из кармана у берсерка свой нож-выкидушку.

– Ты его убил? – спросила она Гамова.

Евгений опустился на колени и поднес ухо к ноздрям гиганта. Ко второму берсерку, со сломанной шеей, он и подходить не стал. Тут все было ясно.

– Дышит. Через час очнется.

– Зачем ты мне помог?

Гамов отряхивал колени, медля с ответом.

– Я не гаденыш!

– Ты спас меня, чтобы доказать, что ты не гаденыш? – удивилась Рина.

Гамов наклонился. Рина думала: для того, чтобы помочь ей встать, – и собралась ударить его по руке, но ничего подобного. Гамов поднял свою шапочку, свалившуюся во время боя с берсерком, и стал отряхивать от снега. Он был очень огорчен, что на шапочку, оказывается, наступили.

– Примерно так.

Рину добило это «примерно».

- Ну спасибо тебе большое!

- Свое «большое спасибо» ты говоришь таким тоном, словно оно карликовое, – миролюбиво заметил Гамов. – Почему бы тогда не говорить: «Карликовое тебе спасибо»?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Л е н и н г р а д к а» – дом типового проекта, похожий на «хрущовку», но с другим устройством коридора.

Купить: https://telnovel.com/emec_dmitriy/most-v-chuzhuyu-mechtu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)